

INSPIRIA

Даника мечтала о ребенке,
но он стал ее кошмаром

ЗВЕРЬ

АНЕ РИЭЛЬ

INSPIRIA

Tok. Upmarket Crime Fiction. Больше чем триллер

Ане Риэль

Зверь

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.113.4-312.4
ББК 84(4Дан)-44

Риэль А.

Зверь / А. Риэль — «Эксмо», 2019 — (Tok. Upmarket Crime Fiction. Больше чем триллер)

ISBN 978-5-04-194690-6

Леон – необычный мальчик. Как и все дети, любит играть на ферме, гладить пушистых зверьков и обнимать свою маму. Но все это он делает совершенно не так, как другие: крохотные ручки оставляют синяки и ломают кости. Поэтому у Леона почти нет друзей. Только Мирко – соседский юноша – видит в мальчике лучшее. Возможно, потому что любит его мать. Он почти целиком берет на себя воспитание Леона, но контролировать маленького монстра выше его сил. Одна трагическая ночь переворачивает всю жизнь. Чтобы спастись от последствий своих поступков и избежать угрозы, Мирко и Леону нужно бежать. Но разве рядом с таким ребенком может быть безопасно?

УДК 821.113.4-312.4

ББК 84(4Дан)-44

ISBN 978-5-04-194690-6

© Риэль А., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

У реки	6
Мирко	12
Даника	24
Карл	28
О том, что тебе дано	30
Дом	34
Вера, надежда и младенец	42
Сделать что-то плохое	47
Леон и счастье	49
Ферма и загадки	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ане Риэль Зверь

Ane Riel

BÆST

© Ane Riel, Copenhagen 2019 Published by agreement with Copenhagen Literary Agency ApS, Copenhagen.

The Russian language publication of the book was negotiated through Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency.

© Федорова А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Алексу

У реки

Жалко, что я их убиваю. И совсем даже не из-за угрозы. С ними просто приятно играть. Они такие маленькие, что можно таскать в кармане. Ты же тоже любишь мышек?

Особенно пожирать.

Только представь себе: быть таким малюсеньким, чтобы протиснуться в щелку в земле и исчезнуть. Я бы тоже хотел так уметь, хоть иногда. На меня вечно обращают внимание, потому что я очень большой.

– Только посмотрите на него! – говорят вокруг и тычут пальцами.

Большим быть хорошо, когда нужно таскать бревна или грузить мешки с зерном, но когда тебе велят спрятаться, это совершенно некстати. Сейчас мне бы хотелось быть мышонком, а не человеком.

Помнишь Мирко, с которым мы в прошлый раз приходили? Я его жду. Это он посоветовал мне скрыться, спрятаться тут, у реки, если на ферме что-нибудь пойдет не так. Я до последнего не верил, что что-то может случиться, ведь уже две недели все было хорошо. А потом так получилось, что я слишком сильно обнял. Я этого не хотел.

Потому что она кричала. Девушка.

Не выношу крика.

Она была такой милой. Кажется, я ей нравился. Ее было приятно трогать – вся такая мягкая на ощупь. Если бы она поместилась в карман, я бы взял ее с собой.

Мирко – самый прекрасный человек из всех, кого я знаю. И в каком-то смысле единственный. По крайней мере, единственный, кто меня понимает. Если бы я когда-нибудь случайно причинил ему боль, я бы не знал, куда себя деть. Умер бы, наверное.

Мне хотелось бы быть похожим на того молодого человека с впалыми щеками и выпученными глазами, которого мы когда-то встретили. Никогда его не забуду. Мы повстречались, кажется, на одной из узких дорог на юге. Стояла невыносимая жара, и уже давно, так что вся долина пересохла.

Мы с Мирко укрылись в тени дерева и заметили, что к нам приближается мужчина. Он как-то странно волочил ноги по гравию, чуть не падал, но все же шел.

– Посмотри на него, – сказал я Мирко, – он же еле держится на ногах.

– И правда, – отозвался он и окрикнул мужчину: – Эй, дружище, тебе надо передохнуть. Посиди с нами в тенике, попей.

Мужчина остановился, но сколько бы Мирко ни зазывал, тот не желал ни садиться в тени, ни брать воду. Он рассказал, что его невеста погибла в пожаре. И все это его вина. Голос у него был скрипучий, как у старого уставшего осла. Да он весь напоминал старого уставшего осла.

Он не рассказал, что такого натворил. А жаль. Мне бы хотелось узнать. Сказал только, что собрался идти навстречу солнцу, пока от жары и засухи не испарится его жизнь. Представляешь? Не знаю, как скоро он умер, но уже тогда выглядел нехорошо. Глаза вылезали из орбит, будто спешили вперед него.

Он поплелся дальше. Много раз казалось, что вот еще немного, и рухнет наземь, а он все шел. Мирко говорил – пусть идет себе дальше. Обычно Мирко никому не позволял так страдать.

Мы долго сидели, смотря вслед прохожему, пока тот не превратился в мельтешащую черную мушку и, наконец, исчез в солнечном мареве.

– Неужели он правда хочет умереть, потому что не может жить без своей невесты? – спросил я потом Мирко. – Наверно, она была просто прелесть.

– Скорее дело в том, что он не может жить с чувством вины, – ответил Мирко. Больше об этом он говорить не желал и остаток дня провел в непривычном молчании.

Не хочу, чтобы меня сожгло солнце. Если появится желание умереть взаправду, должны быть способы получше. Можно, например, утопиться в реке. Если я сейчас прыгну туда, где глубоко, – умру мгновенно. Река разлилась, и вода гораздо выше, чем в прошлый раз. Наверное, поток подхватит меня и утащит к излучине у плакучей ивы. Я запутаюсь в корнях, торчащих из воды. Там меня и найдут. Мертвого, как та птица, в честь которой Мирко меня назвал.

– Она не просто мертвая, – говорит он. – Она вымерла.

Не знаю, сколько надо пролежать мертвым, чтобы вымереть. А что, если меня найдут, скажем, через неделю?

Птица называется маврикийский дронт. Мирко зовет меня Додо. Он говорит, это еще одно название той же птицы, но произносится легче, если нужно меня позвать. А он это часто делает. Я не очень-то легок на подъем, наоборот – я от природы тяжелый. Немного большеват, говорит Мирко.

И иногда неловок.

Хорошо, он хотя бы перестал называть меня Леоном. Так меня звали, когда я был маленький. Иногда в темноте я лежу без сна, и мне слышится голос матери: «Леон, не надо. Нет, Леон, НЕЛЬЗЯ!» Так она говорила. Мне это не нравилось.

Еще она кричала.

Это было уже давно, я почти забыл. И не уверен, что хочу вспоминать.

Когда же Мирко объявится? Он обещал, что придет. А я пообещал, что спрячусь за кустами. Меня можно заметить только со стороны реки, да и то если ты, например, любопытная ворона, сидящая на ветке. Подлети поближе, чтобы я тебя разглядел. В тени тебя почти не видно.

Я ничего не делаю.

А вдруг после того, что случилось с девушкой, Мирко больше не хочет со мной возиться? Тогда придется утопиться. Но пока я просто жду. Мне не трудно посидеть и посмотреть на реку, сверкающую в лучах солнца. Так прекрасно, хоть и невыносимо жарко.

Вряд ли я снова надену рубашку когда-нибудь. Я не успел, когда убежал. Нельзя было медлить.

Послушай! Если хочешь утонуть, очень кстати не уметь плавать. Я как раз не умею – повезло. Мирко как-то пробовал меня научить, когда мы ездили к морю чистить кальмаров.

– Надо просто правильно двигаться, – говорил он, показывая, как толкаться ногами и гребти руками одновременно. – Давай, Додо, это легко. Кальмары могут, и ты справишься.

Им-то только за щупальцами надо следить!

Меня и так все устраивало, так что я просто стоял по колено в воде и глазел на Мирко, пока он не сдался.

Ты бы видела танцовщицу, которую мы повстречали недавно в одном городишке. Подумать только, как она слаженно двигалась, вся целиком! Мирко сказал, что она и не такое вытворяет. Это было после того, как они ушли вдвоем в комнатку на втором этаже. Они там разговаривали.

Я в это время бродил вокруг и искал мышей в проулке за домом. Мне нравятся мыши. Теплые мышки в мягкой шубке. Они долго разговаривали – я успел отловить аж троих. Две сразу же умерли, так что я их выбросил, а третью сунул в карман. Хорошая была мышка, я гладил ее в кармане. А потом она тоже умерла.

Я выкинул ее, пока Мирко ничего не заметил. Ему не так нравились пушистые шерстки, как мне, но он явно с удовольствием болтал с той танцовщицей. Потом я вытянул из него, что они сидели наверху при задернутых шторах и говорили о птицах, пчелах и цветах. Представляешь? Я даже пожалел, что меня с ними не было!

У пчел тоже есть своего рода шерстка, замечала? Я один раз пробовал погладить пчелу, когда та села на подсолнух. Но она меня ужалила, а потом умерла. Сама. Бум. Прямо на подсолнухе. Я не виноват.

Хотел бы я знать, от чего она умерла.

Не могу себе представить, чтобы я умер в темном кармане. Или лежа на сеновале, громко крича. И уж точно не на солнцепеке посреди проселочной дороги. Наверное, не так уж плохо умереть в большом желтом подсолнухе. Или в блестящей на послеполуденном солнце реке.

Эй, я тут вспомнил, у меня есть для тебя подарок. Он у меня в кармане... Смотри, это сердечко! Это сердечко той девушки. Она носила его на цепочке на шее, но цепочка лопнула, когда я до нее дотронулся. Как шея. Посмотри, как оно сияет, это крошечное сердечко. Мирко однажды сказал, что вы, вороны, любите блестящие вещи, так что я подумал отдать его тебе. Мне взамен ничего не нужно, только пообещай остаться со мной, пока не придет Мирко. Сейчас я его тебе брошу... Видишь? Оно упало куда-то в траву под твоей веткой.

Вот бы ты прилетела сюда, чтобы я мог тебя погладить. А если бы ты еще и говорить умела... Рассказала бы мне, как летать! Шмель совершенно не умеет летать, ты знала? А все равно ведь летает. И животные не умеют говорить.

А может, ты все-таки умеешь?

Я думаю, ты бы красиво говорила. Не то что парни, с которыми мы работаем. Сезонные рабочие не очень сдержанны в выражениях, в отличие от нас с Мирко. Мы умеем говорить красиво. Нам обязательно это уметь – так считает Мирко. Вообще, когда мне наконец-то разрешают открыть рот, от этого одни неприятности. Как сейчас. Можно говорить с животными, говорит Мирко. Тогда ничего не случится. И с Мирко. В остальное время мне лучше помалкивать.

Вместо этого я размышляю. Когда начинаешь думать, находится много тем. Например, мне хотелось бы знать, как шмелю удастся летать, если у него такие крохотные крылышки по сравнению с тельцем. И почему у девушек не бывает кустистых бровей.

Не то чтобы я становлюсь умнее от того, что столько думаю. Меня просто переполняют мысли. И вопросы! Мирко предупредил, чтобы я никого ни о чем не спрашивал, пока мы на работе.

– Додо, послушай, – говорил он, – мы обсудим все, о чем ты думаешь, когда останемся наедине. Тогда мы ни во что не вляпаемся.

Но может пройти немало времени, пока мы сможем остаться наедине, потому что мы трудимся целый день, окруженные другими рабочими, а потом все вместе и едим, и спим. Мы почти всегда в каком-нибудь бараке, где все видно и слышно каждое слово. Поэтому я говорю только «да», «нет», «конечно», «пожалуйста» и «извините», а в голове у меня бьются вопросы и мысли, которые я не хочу забывать. Постоянно боюсь забыть то, что хочу запомнить, а Мирко считает, что гораздо хуже помнить то, что хотелось бы забыть.

Когда мы наконец остаемся одни, я не могу решить, с чего начать. Особенно если в этот момент мне в глаза бросается что-то еще, о чем тоже непременно надо поговорить. И так происходит очень часто. У меня голова словно закипает, и все мысли сливаются в один большой горячий поток, рвущийся наружу. Иногда я начинаю плакать. Когда слезы кончаются, поток иссякает, и мысли корчатся на песке, как мелкие глупые рыбешки, – нет смысла даже их подбирать, не говоря уж о том, чтобы о чем-то спрашивать.

Но я обычно все равно спрашиваю.

Все это очень тяжело. Я выносливый и не устаю, хотя мне всегда дают самую тяжелую работу. Но вот размышления жутко утомляют. У Мирко это гораздо лучше получается. Еще он говорит, что впечатления – это как еда. Когда глотаешь еду сразу, не различаешь вкусы. А если будешь тщательно пережевывать, то заметишь разные оттенки. Тогда не только наедаешься, но и становишься умнее.

– А теперь обдумай вот что, – часто говорит он. – Я не против, чтобы ты задавал мне вопросы, Додо. Но прежде чем спрашивать, надо дать мыслям время сформироваться и встать на свои места. Может выйти так, что ты сам себе ответишь. А если нет – возможно, твои вопросы окажутся намного мудрее полученных ответов.

Я стараюсь слушаться Мирко, но все равно то и дело спрашиваю, не подумав. Как правило, он отвечает, и мне всегда кажется, что ответ мудрее вопроса. Бывает так, что никаких ответов он не дает, а вместо этого смотрит на меня своими синими-синими глазами, и взгляд его говорит: «Думай, Додо, думай!» И я пытаюсь.

Сейчас я дошел до того, что шмель, должно быть, особенно быстро машет своими крошечными крылышками. Но я все равно не понимаю, почему у девушек не бывает кустистых бровей!

Об этом надо еще поразмышлять.

В женщинах Мирко разбирается гораздо лучше меня. Особенно в девушках. Вот что случилось несколько недель назад на той ферме, где мы сейчас работаем: девушка зашла на конюшню и спросила, не хочет ли Мирко прогуляться вечером.

– Можно пройти вдоль реки, – сказала она.

Кажется, она не заметила, что я сидел неподалеку и все слышал. Или ей было все равно. Мирко потом сказал, что она как раз из таких – кому все равно. От этого только опаснее. Об этом следует сегодня подумать – что она была опасна.

Так вот, я видел, что Мирко тщательно обдумал предложение и только потом ответил девушке:

– Я не господин своих желаний. Я работаю на вашего отца, и если я соглашусь, это может навлечь большие неприятности. Нам с приятелем не хотелось бы, чтобы нас выставили за ворота или еще чего похуже. Вы же это понимаете? Уже то, что вы здесь стоите и говорите с нами, может нам дорого стоить. Представьте себе, что произойдет, если вдруг один из ваших братьев услышит ваши речи.

Так он ответил. Он всегда очень вежлив.

– Невероятно, – ответила девушка. У нее был голос крошечного хриплого зверька. – Почему не развлечься немного, когда предоставляется такая возможность? Я скоро с ума сойду от здешней жизни. Я уже не ребенок, и все равно мне ничего не разрешают! Нельзя даже выйти из дома без присмотра. Да я все равно что в тюрьме. Я так помру со скуки!

Она едва не брызгала слюной.

Потом она резко развернулась и вылетела из конюшни, задрав нос. Рот ее превратился в крошечный красный венчик. Губы казались удивительно мягкими. Груды тоже были округлыми и мягкими и слегка подсакивали в вырезе платья в такт шагам. На это я обратил внимание. Мирко рассказал мне однажды, что иногда в груди у женщины может быть много молока, но незачем слишком много о таком думать.

Должен признаться, непросто не думать о том, о чем не следует думать слишком много! Особенно когда это что-то мягкое, упругое и полное молока. Получается, женщины – своего рода коровы, только у них между ног ничего не болтается.

Когда я позднее спросил Мирко, почему он отказался прогуляться с ней вдоль реки, он ответил какую-то чушь.

– Она же не этого хотела, Додо. Она хотела со мной на сеновал. А на это я не согласен.

Тогда я усвоил, что женщины разговаривают на языке, непохожем на мужской. Либо они просто глупые, раз не могут прямо сказать, чего хотят. Она же могла сразу предложить пойти на сеновал!

Нет, об этом я сейчас не желаю думать. Хочу подумать о чем-нибудь другом, пока жду Мирко. Хочу подумать о нас с Мирко.

Я знаю его столько, сколько могу вспомнить. А он меня – еще чуть дольше, если верить его словам. Мирко мне почти как старший брат, хоть я и крупнее. Он говорит, я так и не повзрослел. Только вырос.

Когда-то мы притворялись братьями – я младший, он старший. Давно это было. Потом я его перерос, и стало видно, что мы совершенно не похожи. Тогда я стал кузеном. Некоторое время нам верили, а потом кто-то стал расспрашивать о нашей семье. И я превратился в друга. Им-то я и хотел быть. Другом Мирко.

Я заметил, что я ни на кого в особенности не похож. Можно найти немного сходства с самыми мощными и сильными мужчинами, но я все равно будто бы всегда немного больше и сильнее. У меня все тело в твердых выпуклостях. Мускулы. Это лучше прятать, говорит Мирко. Поэтому я должен купаться в одиночку и ходить в рубашке даже в самую жару. Люди могут испугаться, увидев меня без рубашки, а я не хочу никого пугать.

А еще это, чтобы они не задавались лишними вопросами. Я и так вызываю любопытство. Я и сам себе любопытен. Не понимаю, откуда у меня все эти бугры? Я бы больше всего хотел быть похожим на Мирко, чтобы снова стать его младшим братом. Когда я об этом говорю, Мирко отвечает: «Мы никогда не узнаем, отчего ты такой сильный, Додо, так что незачем об этом и думать. Нужно просто принять это как данность».

Я рад, что ты не испугалась и не улетела, хоть я и сижу здесь полуголый. Непривычно кожей ощущать дуновения ветра, но раз рядом нет никого, кто мог бы меня увидеть, это неважно.

Хотел бы я быть не таким сильным.

Вот что! Мирко как-то рассказывал мне о комиксах, которые он читал давным-давно. Там был такой парень – еще сильнее меня, – который умел летать! Хотел бы я тоже уметь летать. Но того парня не существует, говорил Мирко. Его просто кто-то придумал.

Как ты думаешь, меня тоже кто-то придумал?

А кто?

О том парне Мирко прочел в Америке. Он говорит, что много читал, пока был там. Всякое разное. Многое он еще помнит, и если мне везет, он рассказывает истории, когда мы наедине. Иногда он берет почитать что-нибудь у женщин, к которым любит заглядывать в гости. Еще мы одалживаем книги, а закончив их, возвращаем на место. Мне больше всего нравятся книги с картинками. И со счастливым концом.

Однажды мы наткнулись на историю о мужчине, которого нашли крошечные человечки. Сначала я подумал, что мужчина был таким огромным, а остальные как Мирко. Но Мирко объяснил, что это лилипуты – так они назывались – были крошечными, а мужчина был самым обычным. Я бы предпочел быть лилипутом, их много одинаковых. Что хорошего в том, чтобы быть единственным нормальным!

Самая причудливая история все же была о мужчине на кресте. Этакая страшилка. Он умер... И все-таки не умер. Как тебе? Да, наверно, это должен был быть счастливый конец, но, честно говоря, получилось что-то странное. Ах да, он еще умел по воде ходить, этот мужик. А я вот точно знаю, что это невозможно!

На всякий случай я потом проверил, не может ли одна из мышек, которую я слишком сильно сжал, ожить. Не получилось. Я положил ее в коробок от табака, чтобы ни один зверь

не смог до нее добраться и съесть. Там она и осталась, все уменьшаясь, выглядя все более мертвой, пока совсем не вымерла.

Не верю я в эту страшилку.

Нет уж, я гораздо больше верю в того парня, который умел летать.

Подумать только, когда-то я был меньше Мирко! Таким крошечным, что уместился внутри моей мамы. Я этого совершенно не помню, а Мирко не хочет рассказывать.

Я знаю только, что он был подростком, когда я родился, и что мы жили по соседству где-то здесь в долине. Он говорит, что не помнит, где именно. Теперь вся долина – наш дом.

О! Кто-то идет. Наверно, он.

Мирко

Это был не самый крупный город долины, но все же мог похвастаться каким-никаким вокзалом. А неподалеку, на северо-западной окраине, расположилась школа для детей из города и окрестностей.

Мирко был из числа последних.

Школа была обустроена в давно закрытом молочном заводе, насквозь пропахшем кислым молоком. Из узких окон открывался вид на ближайшие виноградники и горы на западе. Вокзала из школьного кабинета видно не было, но рельсы шли прямо вдоль забора. Тусклая изгородь из засохшей виноградной лозы помечала границу и символически, раз уж на иное не была способна, указывала детям на опасность. Когда мимо проходил поезд, обучение на мгновение замирало, стены слегка потряхивало, и старые бидоны для молока, составленные в кладовке, металлически звенькали, стучаясь друг об друга. Их можно было использовать вместо стульев, если придут все ученики, но этого никогда не бывало. Кто-нибудь из детей с ферм всегда отсутствовал.

Чу-чух, чу-чух. Мирко нравился звук поезда. Он напоминал биение сердца. Сильного сердца. Но он не был уверен, что ему хотелось бы поехать на поезде.

Учеников было много. Мальчики и девочки сидели отдельно друг от друга. Широкий проход между комнатами занавесили тканью, которая мешала подсматривать, но не заглушала звуки. Любая попытка разделения по половому признаку проваливалась, как только звонил школьный звонок и все ученики высыпали на солнце и, словно подчиняясь инстинкту, объединялись с ровесниками.

Кроме тех, кто предпочитал быть в одиночестве.

– Ты немногословен, Мирко, – сказала учительница, когда он вышел из класса после урока. – Но твои ответы всегда безупречны. Мне кажется, ты слушаешь внимательнее, чем остальные. Я права?

Мирко кивнул.

Учительница картавила. Безуп-рэ-чны.

Он всегда выходил последним. Другие убегали. Мирко некуда было бежать, и никто не бежал за Мирко. Чаше ему вслед кричали. Обычно про его уши.

В то утро он делал то же, что и обычно, когда встал и принялся собираться в школу. Он помог отцу подоить коров, потом умылся и неторопливо съел кашу, в то время как его старший брат проглотил двойную порцию в два раза быстрее его. И вот брат уже исчез в пылевом облаке на своем громохочущем велосипеде, а Мирко попрощался с мамой на кухне, помахал отцу в поле и размеренным шагом направился по дороге к городу. Ему не было дела ни до велосипеда, ни до шума, ни даже до школы. Но он хотел научиться чему-нибудь еще, кроме ухода за коровами, и три дня в неделю ему давалась такая возможность.

Мирко было одиннадцать с половиной, и для своего возраста он был мелковат. Благодаря его мудрому спокойному взгляду учителя отправили его к ребятам постарше. Маленький обман – единственный.

Он спокойно шагал домой. Уже миновал извилистые улочки города, где беззубые старухи сидели на крошечных скамейках в тени, комментируя все, что попадалось им на глаза. «Какой милый мальчик», – крикнула одна из них, когда Мирко проходил мимо. «Небось, из школы идет», – раздался резкий голос в паре метров. «У него красивые глаза, – крикнула третья, – и уши как у моего покойного мужа».

Они дружелюбно посмеивались, приветливо улыбались, а их маленькие глазки искрились. Мирко так и не понял, предполагалось ли, что он должен их слышать. Но они ему нравились.

Он пересек городскую площадь, где несколько взрослых ребят играли в бочче¹, и направился по дороге на восток. На окраине города он миновал церковь – она стояла, светясь, на холмике за облетевшими кустами олеандра и старой избушкой, пустовавшей уже много лет. На другой стороне холма расположилось кладбище с серыми камнями. «Поздоровайся с мамой!» – раздался внезапно крик, и Мирко испуганно склонил голову, избегая встречи глазами со священником, чей голос он безусловно узнал.

Он перешел по каменному мостику, который мягкой дугой перекинулся над водой там, где поток уже всего. Как всегда, он провел рукой по грубому камню низеньких перил, отгораживавших дорогу от воды. Какой-то парень из города утонул, упав отсюда. Заносчивый, говорили про него. Хотел пройти по перилам, выпендриться перед другими детьми. Падать было невысоко, речка неглубокая, берег близко, но тот парень не умел плавать. Течением унесло, и тело потом нашли дальше к югу от моста. Вскоре после этого случая отец научил Мирко плавать и попросил никогда не выживаться и не ходить в места, куда ходить не следует. Мирко никогда не рисковал и не залезал на перила.

По другую сторону моста он мог бы пойти и дальше по дорожке, которая полями привела бы его домой. Но вместо этого он повернул на север, на узкую тропу, огибавшую виноградник и проходившую через рощу. В тени деревьев тропа спускалась к реке. Там была полянка, куда рабочие приходили отдохнуть или порыбачить.

В тот день там никого не было, и Мирко сел у берега на траву. Коричневая вода текла спокойно, мерцая в тени деревьев. Севернее потоки срывались с гор, скользили по полям и лесам, чтобы влиться в русло. Как артерии примыкают к аорте, говорила его учительница. Точнее, она показала картинку внутреннего строения человека и сравнила его с долиной. Все кровеносные сосуды связаны друг с другом, как реки, сказала она. А сердце тогда должно быть там, на севере, в горах, закончил про себя Мирко.

Иногда по реке сплавляли бревна на лесопильню к югу от города, и тогда воздух наполнился криками. Но в тот день тишину нарушали только жужжание насекомых и гомон птиц в ветвях. Вода стояла высоко. Это хорошо. Если бы лето было засушливым, река сжалась бы до тоненькой струйки в середине русла, и рыба лежала бы на песке, хватая ртом воздух. Мирко не выносил такого зрелища. Он всегда пытался помочь, но, когда он возвращался, по берегу снова были разбросаны умирающие рыбешки. Отец говорил тогда, что все идет своим чередом. Природа жестока, но справедлива. Его отец однажды видел у реки голодную медведицу с двумя медвежатами. Они спустились с гор и пересекли долину в поисках еды, а теперь пировали рыбой.

Мирко никогда еще не видел медведя, да и на пиру никогда не бывал. Его родители нечасто устраивали праздники. Но они всегда благодарили Бога за маленькие радости, а их, несмотря ни на что, было много. Одной из радостей был сам Мирко.

Когда он вышел из тени деревьев, солнце едва не ослепило его. Вскоре он уже пересек шоссе и пошел по гравийной дорожке между полями. Где-то остановился понаблюдать за коровой, отбившейся от стада. Другие нашли тень под кипарисами, стояли и смотрели в одну сторону. А эта корова, несмотря на жару, устроилась на палящем солнце, вдали от тени и воды, спиной к товаркам.

Она повернула голову и посмотрела на Мирко тяжелым взглядом, который он не смог до конца понять. Пожевала. Наверное, о чем-то думала. Потом подняла хвост и словно в знак при-

¹ Бочче – популярная в Европе игра родом из Италии, в которой игроки делятся на команды и по очереди кидают шары, стараясь расположить их на игровом поле максимально близко к заданному шару.

ветствия оправила свою естественную потребность. Из ниоткуда появилась туча мух и фальшивой тенью окутала лепешку. Корова сделала шаг вперед, два назад, и мухи на мгновение пропали, чтобы тут же снова облепить заветренные фекалии. Их гудение смешалось с пением цикад, жеванием коров и редким криком хищной птицы. Мирко хорошо знал эту корову – она всегда держалась особняком. Он не понимал, стеснялась она или, наоборот, была драчливой.

Может, и то, и другое.

Дома на ферме отец как раз запрягал повозку.

– Ну как, Мирко, выучил сегодня что-нибудь в школе?

Он всегда задавал один и тот же вопрос.

– Да, – ответил Мирко, как обычно. – Куда ты собрался?

– Мне надо в город, но сначала я заеду к соседям. Хочешь поехать со мной?

– На большую ферму? Где близнецы?

– Нет, на маленькую. К вдове.

Не то чтобы Мирко очень хотелось навещать соседей, но планов у него никаких все равно не было, так что он с удовольствием составил отцу компанию. О вдове он раньше только слышал. Ее муж умер пару лет назад, а дети разъехались, по крайней мере одна из дочерей, которая уже стала взрослой.

Он сел в повозку, и та загрохотала по узкой колее, вившейся между полями к соседской ферме. Сильные копыта лошади взвивали пыль, так что та туманным облаком повисала за телегой.

Они жили в юго-восточном конце протяженной долины, на самом краю, где природа, ближе к горам, становилась более сдержанной. С их фермы соседскую не было видно, ее заслонял холм с обветренными деревьями, которые стояли скученно, словно совещались и замыслили нечистое. Поскольку из дома Мирко эту ферму увидеть было невозможно, ему всегда казалось, что она очень далеко.

Солнце палило, деревья скрипели, удары копыт раздавались глухо и уверенно, и на Мирко напала приятная, усыпляющая лень. Его отец спокойно сидел на козлах, опустив руки на колени и позволив лошади самой выбирать темп. Они уже давно достигли согласия, и у них не осталось поводов ссориться. Он не подгонял, а лошадь в ответ выполняла то, что от нее ожидалось. Они во многом были похожи.

Мирко предпочитал сидеть в повозке спиной к отцу. Ему нравилось смотреть назад, на проплывающий мимо пейзаж. Он словно выезжал из картины и погружался в новую, которая раскрывалась ему и становилась все больше и больше. Это давало время рассмотреть детали и спокойно их оставить, когда они отдалялись и становились неразличимы. Когда он смотрел вперед, ему казалось, что впечатления атакуют, набегают со всех сторон, и он не успевал их впитать и переварить. Когда он единственный раз сел в автомобиль, у него закружилась голова, и потом осталось ощущение, словно в него впихивали еду, не разрешая и не давая времени ее прожевать.

Отец что-то сказал, и Мирко повернулся посмотреть вперед. После очередного поворота показалась соседская ферма. Сначала главный дом – он стоял поперек и слабо светился, как усталая старая свиноматка, которая случайно забрела к паре кипарисов. За домом проглядывали еще несколько строений, а на заднем плане с королевским величием гряда гор поднималась к небу глубокого синего цвета. Узкая расщелина, как после удара топора, пронзила гору и образовала необычную трещину над крышей фермы.

В детстве Мирко, конечно, пару раз бывал у соседей, но сейчас все воспоминания о ферме стерлись. Светлые камни, краснокирпичная черепица на крыше, – словом, она ничем не отличалась от любой другой фермы в окрестностях.

Они проехали по колее, огибавшей хозяйский дом слева и заводившей на пустынный двор. Только пара потерянных куриц бродила, поклевывая что-то в жухлой траве среди камней. Из хлева слышалось блеяние, потом мычание. Отец прыгнул с козел, а Мирко остался сидеть на повозке, внимательно все разглядывая. Лошадь опустила голову на пару дюймов, передвинула свое большое заднее копыто, приняв позу для отдыха. Издалека разносился бой церковных часов. Его не всегда было слышно. Звук зависел от ветра, а его порывы подвластны только Богу. По крайней мере, так говорила мама Мирко, и ее мысли были понятны. Если бой было слышно, значит, Бог хотел привлечь внимание людей.

Отец Мирко снял кепку и вытер рукавом лоб, потом быстро огляделся и направился к двери кухни. Он держал кепку в руке и бесшумно постукивал ею о бедро во время ходьбы. Мирко слышал, как он тихонько насвистывает мелодию, выдававшую попытки сосредоточиться. Отец успел преодолеть половину расстояния, когда вдова скрюченной тенью вышла из кухни.

Только оказавшись прямо перед ним, она немного распрямилась, одновременно убирая руки от спины и упираясь ими в бока. Черное полотняное платье было таким заношенным, что стало серым. Волосы были стянуты назад и спрятаны под платком, тоже некогда черным. Из-под него виднелась только тонкая полоска белых волос. И бледное лицо, которого, казалось, никогда не касались лучи солнца. В руках не осталось ни цвета, ни жидкости, заметил Мирко со своего наблюдательного поста. Она вся иссохла.

Старушка – хотя, наверное, она была не так стара, как казалось, – зажмурилась перед отцом и Мирко и издала звук, который напоминал животный крик. Крик птицы, наверное.

Отец Мирко в ответ пожелал ей доброго дня. Вдова ничего не ответила, а просто смотрела сквозь щелки на потрескавшемся лице, и он продолжил говорить. Мирко видел, как шевелится его спина, слышал, как он добродушно объясняет что-то про коров, что их надо вывести с дальнего поля. Что-то о дороге по полю, он что-то ей предлагал. Да, это только предложение, но он надеется, что ее заинтересует. Ему бы очень помогло, если бы ему не приходилось водить своих коров длинным обходным путем. Он все говорил, а вдова просто смотрела, и наконец его голос стал напоминать нервный свист. Только некоторое время спустя отец Мирко понял, что вдова не слышит, тем более не понимает половины всего, что он там наговорил.

Потом случилось кое-что, чему сразу не придаешь значения. Тем не менее именно это изменило жизнь Мирко отныне и навсегда и сделало его виновным во всех смертных грехах.

В том числе в убийстве. Или в чем-то подобном.

Старушкина дочь вышла из-за хлева и теперь приближалась к ним, ее длинные волосы были перекинuty через плечо. Мирко никогда еще не видел женщин с длинными распущенными волосами. До этого момента он и женщин-то толком не видел. И теперь он устался на нее, не в силах отвести глаз.

Ее синее платье было таким же заношенным, как у матери, но казалось опрятнее. Оно напоминало кожицу налитой соком виноградины, а не высохшей изюмины. По платью волосы разливались мягкой, рыже-золотой смолой. Раньше Мирко почти не выделял рыжеволосых девушек из толпы темноволосых, но теперь он отмечал малейшие детали. В волосах горел огонь, они удивительно сверкали на солнце, но дело было не только в них. Лицо тоже сияло, было наполнено жизнью. Солнце разбросало по носу веснушки, зарумянило щеки, а тень провела белые полосы на веках, когда она зажмурилась от яркого света. Мирко показалось, что он заметил искру зелени в ее глазах, обратил внимание, что губы у нее алеи, хотя, кажется, она их не красила, в отличие от некоторых женщин в городе. Казалось, она впитала все краски, растерянные ее матерью.

Она сказала что-то отцу Мирко, тот удивленно обернулся к ней. Дружелюбно поздоровался, подтягивая широкими руками широкие подтяжки, кепка болталась на мизинце.

Они договорились.

Что-то о коровах и дороге через поле. Отец Мирко сказал, что он очнь благодарен. Что он проследит за тем, чтобы не испортить дорогу. Что они в любой момент могут воспользоваться его быками для своих телок. Еще он сказал, что ему кажется, у них должно не хватать рабочих рук. Он бы хотел предложить свою помощь в знак благодарности, но у него и так столько забот, что времени совсем не остается. Но взамен он может отправить одного из своих сыновей помогать им. Две дочери уже разъехались, а два мальчика пока живут дома. Старший крепкий и сильный. Он мог бы присылать его несколько дней в неделю, хотя он и работает в городе. В кузнице.

Внезапно отец повернулся к повозке. Он выглядел так, будто ему в голову пришла какая-то идея.

Да ведь наш Мирко может вам помогать, сказал он. Дома Мирко уже научился почти со всем управляться. Он еще не такой крепкий и сильный, но все равно хороший парень. Способный. Через день ходит в школу. Молчаливый, но хороший, – это точно. С животными хорошо ладит. С этими словами отец Мирко подошел к повозке и встал рядом, положив руку на борт. Он слегка постукивал по доскам в такт словам, словно это придавало вес его речи. Хороший парень, это точно. Тук.

Сам Мирко почти не прислушивался. Он видел только женщину с золотистыми волосами. А она смотрела на него. Она его заметила и теперь улыбалась зелеными глазами, белыми зубами и ямочками на щеках. Мирко ответил ей широкой улыбкой и сияющим выражением лица.

Чуть поодаль стояла вдова в своем черно-сером платье и исподлобья глядела на них, напоминая тощую ворону.

Отец Мирко ни словом не обмолвился о визите по пути в город за покупками. Когда они вернулись на ферму и распрягли лошадь, он заговорил.

– Слушай, Мирко, ты же не против, что я предложил Данике твою помощь?

Он взглянул на Мирко поверх лошадиной спины, на которой остались теплые блестящие следы от седла. От них шел пар.

Мирко почувствовал, как кровь приливает к щекам, и торопливо перевел взгляд на скребок, который держал в руке.

– Да, все отлично, – ответил он. – Конечно, я помогу.

Он попробовал на вкус имя Даника, не произнося его вслух.

Отец похлопал лошадь и отправил ее в стойло.

– Это хорошо, Мирко. Но мы еще посмотрим. Может, твой брат со всем справится, по крайней мере, первое время. Тогда ты подключишься позже. – Он закрыл стойло. – У нас для тебя и здесь работа найдется.

Старший брат работал у Даники полтора года, а казалось, что полвека. Все это время Мирко продолжал ходить в школу и выполнять все свои обязанности, так что никто ничего не заметил. Только что в свободное время он перестал бегать вниз к ручью или на пастбище к коровам. Никто за ним не следил, поэтому никто и не подозревал, что он стал навещать соседскую ферму.

Поначалу он подглядывал с их собственного южного поля, где прятался в меже. Оттуда ему было видно потрепанную кровлю усадьбы и кусочек земли, примыкавшей к их полям. Однажды ему надоело наблюдать за шумными животными, и он рискнул спуститься вдоль загона. Одна из лошадей с любопытством следовала за ним по другую сторону изгороди, пока загон не закончился. Мирко же подкрался еще чуть-чуть, чтобы видно было поле люцерны, но там не было никого, кроме пары сорок.

На следующий день кое-что изменилось. Мирко снова зашел на соседскую землю и заметил дочку хозяйки. Он так сильно испугался, что мгновенно упал на колени. Она смотрела

в другую сторону, поэтому не заметила его. Она то и дело наклонялась, и Мирко видел, как рыжие волосы исчезают в люцерне и тут же снова появляются. В какой-то момент в отдалении показался черный силуэт матери. Она крикнула что-то хрипло и неразборчиво, и дочь спокойно пошла обратно к дому. Даника. Наверное, мать крикнула: «Даника». Старуха явно была глуховата, но Мирко не знал, хорошо ли она видит. Поэтому он вжимался в землю, когда она смотрела в его сторону.

Однажды ранним утром, еще до рассвета, он решил пройти к востоку от загона и изучить дикий скудный ландшафт у подножья гор. Передвигаясь под прикрытием холмов и расщелин, он мог бы обойти дом Даники сзади. Там был кустарник, отлично подходивший в качестве наблюдательного пункта, поскольку рос на небольшом возвышении, и Мирко легко мог добраться туда так, что его не было бы видно из дома. Он мог бы с удобством лежать на животе и следить за происходящим на ферме, защищенный густыми ветвями мирта и маленького граната, сплетавшимися над его спиной.

Из кустарника ему было видно переднюю стену амбара и длинную заднюю стену хлева. Между двумя зданиями втиснулась небольшая уборная с открытой дверью. Можно было рассмотреть кусочек двора, и вдали неясно в серо-синих утренних сумерках проглядывал жилой дом. Еще он заметил небольшую пристройку к хлеву, почти у самого конца здания. На двери был крепкий засов, поэтому Мирко предположил, что ее используют, чтобы запираť животных, хотя расположение и было немного странным. В пристройке было окно.

Еще более необычно выглядел ближний к нему край хлева: в отличие от остального здания, построенного из светлого камня, он выглядел темным и неровным. Могло показаться, что огромная нога какого-то зверя рвалась сквозь стену в горы. Чем дальше Мирко разглядывал закругленный угол здания, тем ярче он начинал светиться, что только добавляло загадочности. Солнце еще не выглянуло из-за гор, но узкая расщелина пропускала тонкий лучик – как оставленная на щелку дверь, – этот первый луч и освещал сейчас угол хлева.

Мирко подумал, что материал напоминает бронзу. Единственное, что приходило ему в голову, – что в стену замуровали старый церковный колокол. Стена была большой. Явно достаточно толстой, чтобы колокол в ней поместился. Ему пора было возвращаться и доить коров, но этот блестящий угол не выходил у него из головы весь день.

Когда он вернулся спустя пару дней, поводов для размышлений у него прибавилось. На этот раз он был не один. Даника сидела внизу, прямо рядом с колоколом, и загорала в утренних солнечных лучах.

Она его не видела.

Мирко разглядывал ее из своего укрытия на холме, а она любовалась горами и рассветом. Она не могла его заметить, и все равно он был начеку. На ней была только сорочка. Ноги были босые, она потирала одной другую в траве.

Сухой холодный оклик со двора заставил ее подскочить. Скользнув рукой по колоколу, она обогнула угол и направилась туда, откуда раздался крик.

Вскоре он выяснил, что площадка за хлевом рядом с колоколом – место, где Даника очень любила проводить предрассветные минуты. Она всегда приходила одна, без матери, и Мирко представлял себе, что он единственный, кто вообще знал об этих ее прогулках. Он не мог не чувствовать, что разделяет с ней тайну.

Она всегда садилась на низенькую скамейку у стены. Иногда напевала, и Мирко отчаянно пытался уловить мелодию сквозь шелест и шорохи просыпающейся природы.

Иногда читала книгу, и Мирко жутко хотелось узнать, что именно она читает.

Иногда сидела с закрытыми глазами. Кажется. Разглядеть с такого расстояния было непросто.

Иногда прислонялась затылком к стене и засовывала руку себе под платье.

Мирко не знал наверняка, чем она там занимается, но он почти не сомневался, что ей это доставляет удовольствие. И он был абсолютно уверен, что его маме не понравится, что он это видел.

Бывало, он видел, как его старший брат помогает Да-нике в поле или на ферме, и в такие моменты он испытывал странную злость по отношению к брату. Это его пугало. Он ведь любил своего брата, хотя со временем тот изменился. Мирко приходило в голову, что он все время думал о чем-то другом. Часто брат становился упрямым и неприступным, кипятился из-за каждой мелочи. А потом вдруг веселел и дурачился, демонстрируя свой новый глубокий голос и неуклюжее крупное тело. Его брат уже почти стал взрослым, это Мирко понимал, но считал, что есть и более разумные способы взрослеть.

Очевидно, брат не догадывался о церковном колоколе на углу хлева Даники. Пару раз Мирко видел, как он заходит за хлев, чтобы воспользоваться туалетом, и даже взглядом не достаивает угол. Его брат ничего не видел. Или видел что-то, недоступное Мирко. Удивительно, какое облегчение Мирко испытывал от того, что брат не интересовался ни местом, ни колоколом. Это было особое место для Даники, а теперь и для самого Мирко.

Наконец-то настала его очередь! Брату предложили занять комнату в кузнице при условии, что он постоянно будет там находиться и возьмет на себя часть обязанностей. Он согласился с огромным удовольствием и в тот же вечер по секрету рассказал Мирко причину. Дело было в дочери кузнеца и ее белоснежной попке, которую ему уже два года разрешают украдкой трогать.

– Только ни слова отцу с матерью! Особенно матери! – предупредил брат.

– Я ничего не скажу, – прошептал Мирко с соседней кровати, пытаюсь в этот момент представить себе белую попку Даники в темноте. Потом ее картофельные поля, ее люцерну, ее животных и плуг, с которыми он будет с божьей помощью так ловко управляться, если ему разрешат. А потом снова ее белую попку.

Он пребывал в таком напряжении, что вообще не смог в ту ночь уснуть. С кровати брата доносились знакомые звуки. Потом стон. И потом храп.

Мирко явился на ферму вовремя и не уходил, пока Даника не выпроводила его домой. Он молчал, не издал ни единого звука. Он не мог говорить, даже если она его о чем-либо спрашивала. Он чувствовал только, как пылают его щеки в ответ.

Даника делала вид, что ничего не замечает. Она обращалась с Мирко дружелюбно и тепло, даже хвалила его за то, как хорошо он ухаживает за животными. Он делал по меньшей мере столько же, сколько его брат, сказала она однажды, но этого он брату не расскажет. Она подмигнула Мирко при последних словах, и в этот момент он не мог ни ответить, ни убежать. Так он и стоял, недвижим, и смотрел, как она выходит из хлева на освещенный двор, а волосы искрящимся пламенем развеваются за спиной. Дуновение ветра, и огонь взметнулся ввысь. Потом она исчезла. Осталась только одна удивленная курица.

Однажды Даника ему приснилась. Они улыбались друг другу, стоя посреди поля. Разговаривали, совсем как взрослые. Смеялись вместе. Он смешил ее. Утром он некоторое время лежал в постели и пытался вспомнить сон, но тщетно. Зато он еще несколько дней согревал изнутри. Только до тех пор, пока она снова ему не приснилась. На этот раз он сидел у нее в уборной совершенно голый. Двери не было, а на вершине холма лежали его брат и Даника и ухмылялись, глядя на него. Тем утром он встал и пошел в школу с неприятным ощущением в теле, отчего неправильно ответил на вопрос, потому что не слушал учителя арифметики. Остальные шумно насмехались, когда он перебирал случайные числа, а учитель смотрел в замешательстве.

На следующий день, к счастью, неприятное ощущение исчезло, когда Даника вышла ему навстречу, улыбаясь как обычно.

– Как солнце точно встает каждое утро, так же и ты приходишь всегда вовремя, – сказала она.

Мирко покраснел. На самом деле он пришел еще час назад и, спрятавшись в кустах, смотрел, как она сидит и наблюдает за восходом солнца и делает что-то рукой под юбкой.

Он вздрогнул, когда она подняла руки, чтобы собрать волосы соломинкой. Они свисали по спине как хвост лисицы. Толстый, плотный и рыжий. Она встряхнула головой, хвост встрепенулся. Потом подмигнула ему еще раз.

На следующее утро он проснулся в мокрой постели. Он не помнил, что ему снилось. Наверное, как он пишет. Он иногда занимался стиркой вместо матери, он взял на себя грязное белье и в тот день.

Шли месяцы, Мирко исправно посещал соседей, иногда без ведома Даники. Он чувствовал себя рыбой у другого конца лески. Он видел крючок, как только открывал глаза. Мгновение – и его уже тянет вверх, и наконец выбрасывает на землю под миртами и гранатом, и он лежит и хватается ртом воздух. Он не мог ни объяснить, ни понять, что происходит. Он пробовал прибегнуть к логике, на которую привык опираться, но упирался в стену. Что-то подсказывало ему, что все это большая глупость. Сопливая глупость. Но иначе он не мог.

Из кустарника он стал изучать ее тело. Осторожно. Он и близок не был к тому, чтобы коснуться ее, если не считать тех раз, когда она сама его трогала: клала руку ему на плечо или хватала за предплечье. Или легонько гладила по голове так, что у него по всему телу мурашками разливалось тепло и волосы вставали дыбом.

Мирко представлял себе, какие у нее должны быть гладкие руки. Какая мягкая шея. Очень медленно он приближался в мыслях к грудям, но не мог решиться их потрогать, даже сквозь платье. Он хотел просто на них смотреть, сначала лучше с расстояния. Они казались маленькими и аккуратными по сравнению с тем, что он видел дома. У мамы была тяжелая грудь. Еще мамина висела гораздо ниже, этого он не мог не заметить, хотя под несколькими слоями одежды мало что можно было разглядеть. У сестер грудь была чуть меньше, по крайней мере, насколько он их помнил, когда они уехали из дома, но в целом похожа на мамину и тоже хорошо спрятана.

Грудь Даники прикрывала только ткань платья, и иногда казалось, она сейчас вырвется наружу. Так что он не знал, куда ему смотреть, ни наяву, ни в снах. Они смотрели на него. Что находилось ниже, он толком не знал. Он внезапно начинал краснеть, когда задумывался об этом, и торопливо переводил мысли на что-нибудь другое.

Вскоре его стала занимать одна определенная фантазия. Он представлял себе, как Даника замечает его на вершине холма, когда сидит утром рядом с колоколом. Как она ловит его взгляд и медленно снимает платье, разрешает ему взглянуть, что прячется под ним.

Конечно же, такого никогда не будет, это он понимал. И все равно ему нравилось думать об этом как о чем-то возможном. Ему нравилось мечтать о Данике. Даже как просто о человеке, с которым он сможет поговорить, если ему однажды хватит на это смелости.

Мирко продолжил ходить в школу, как и ожидалось. На переменах он сидел в одиночестве, наблюдал за остальными и часто думал о том, насколько лучше было бы, если бы ему приглянулась девочка его возраста. Не то чтобы были велики шансы, что его симпатия окажется взаимной, – он никому особо не нравился. Но все же. Это было бы естественнее.

Насколько он мог видеть, девочки в школе занимались только тем, что шептались, вопили, показывали пальцем, ссорились, а помирившись, расхаживали друг с дружкой под ручку, тихонько хихикая. Жалкое было зрелище. Они изображали из себя черт знает что, но у них не было личности. Они просто перетекали вокруг, сливались друг с другом, так что он их едва различал. Движения их были нервными, словно их все время оценивали. Когда они

говорили, он видел, что мыслями они где-то далеко. Глаза у них бегали. В них нечему было гореть и завораживать его. Ему не приходило в голову даже подумать, какая у них попка.

Правда была в том, что он чувствовал себя намного старше их всех. У него было ощущение, что он видел что-то, о чем они и не подозревали. Даже парни. Особенно парни.

Тело вскоре привыкло к тяжелой работе, стало крепче и сильнее. Еще он стал выше. Ему в каком-то смысле нравился физический труд. Когда руки заняты, проще сосредоточиться на мыслях, и вечером легче засыпалось, – иначе мысли, как жужжащие мухи, не давали уснуть.

– Смотрю, ты крепко взялся за дело, Мирко, – сказал однажды отец, когда они вместе работали в поле. – Я встретил Данику на рынке, и она сказала, ты заправляешь всем как взрослый. Это хорошо, мой мальчик. Я горжусь тобой, когда слышу такое.

Взрослый.

Мирко не мог дожидаться, когда повзрослеет, но раз Даника назвала его взрослым, значит, он на верном пути. Но он отлично понимал, что стать взрослым значит не только вырасти. Прежде всего надо многому научиться.

– Глупость до добра не доведет, – говорила учительница. – Уму открываются все границы. – Она взглянула на Мирко при последних словах. Мельком, но он успел понять, что она обращалась именно к нему. Он уже давно не замечал ее картавость.

К счастью, если уж он брался за учебу, память его не подводила. Учительница иногда спрашивала, не хочет ли он одолжить какую-нибудь книгу, когда он последним выходил из класса. Он всегда кивал. Он уже давно перечитал скудную библиотеку родителей. И хотя еще не был готов обсуждать с Даникой Грех и Истину, беременность коров, пути Господни, силу трав, жизнь и крест Иисуса, ему казалось, она догадывается, что он не глуп. Чем больше она улыбалась и разговаривала с ним, как со взрослым, тем умнее он себя чувствовал.

Впоследствии ему стало хватать смелости отвечать на ее вопросы. «Спасибо, у меня все хорошо», – говорил он, к примеру, если она спрашивала. Потом выпрямлялся и утирал рукавом пот со лба, в точности как его отец.

Тем сильнее Мирко раздражало, что его помощи не всегда хватало. Даника, бывало, нанимала работника или двух, которые спали в гамаке в частично отгороженной части сарая. Мирко становился беспокоен в присутствии наемников. К счастью, они не надолго задерживались, некоторые всего на пару дней, и они редко говорили о чем-то интересном или умном. Это его немного успокаивало. И еще болезненное утешение, что их было много разных. Не было кого-то одного. Хотя нет, все же был.

– Доброе утро, молодой человек, – начала Даника, когда вышла встречать Мирко во дворе. Она всегда улыбалась, и на щеках проступали ямочки.

Он заметил, что у нее не хватает зуба сверху справа, при том, что остальные зубы были идеальными и ровными. Эта черная дыра ничего не портила. Наоборот, он надеялся ее увидеть, потому что ее было видно, только когда Даника искренне смеялась. Он видел ее, когда принялся за стирку; и когда упал в грязь за амбаром. Хотя было жутко неловко и он готов был сгореть от стыда, Даника так тепло смеялась, что уже не было больно – только удивительно, и он захохотал сам. С тех пор они не раз над этим посмеивались. «Только не споткнись», – кричала она, заметив его с тачкой по пути к луже грязи. И тогда между белоснежными зубами приоткрывалась черная дыра.

Всякий раз, когда Даника шла навстречу Мирко, она смотрела на него так, словно он именно тот человек, которого она и хотела увидеть. Прямо в глаза. Настолько прямо, что сначала он вынужден был невольно опускать взгляд. Потом он научился отвечать, но все равно именно он первым отводил свои голубые глаза от ее зеленых, а не наоборот.

К четырнадцатилетию Мирко приближался, ощущая себя сильным как бык, полным тепла и цветущего счастья, хотя осень сулила что-то другое. Одним утром его во дворе встретила не Даника. И не вдова. Ах, если бы то была просто вдова! Нет, тем туманным утром ему навстречу вышел мужчина. Может, это был просто работник, но вышел он не из амбара. Он стоял в дверях кухни Даники.

Огромный мужчина.

– Доброе утро. Мы сейчас пойдем в поле вместе, – сказал незнакомец, склоняя голову и выходя на ступеньку. Голос был настолько глубок, насколько сам он высок. Он пошел по гравии, и Мирко ощущал его поступь у себя под ногами.

Мирко не ответил. Он просто усталился на мужчину.

Рукава рубашки у него были закатаны до локтей, ткань на мускулах чуть не лопалась. Предплечья были широкие и обожженные солнцем, кисти невероятных размеров. Наполовину расстегнутая рубашка открывала густо заросшую грудь.

Мужчина застегнул штаны и надел подтяжки. Потом плюнул в гравий.

– Даника говорит, ты очень хорошо работаешь. Она скоро подойдет. Только встала.

Он говорил все это, не глядя на Мирко. Осматривался. Прищуривался, ориентируясь. Наверное, он раньше не видел фермы при свете дня, подумалось Мирко.

Откуда он взялся? Брат Мирко обмолвился как-то, что «эта Даника» иногда ходит в кабак в городе и, по слухам, не сторонится ни выпивки, ни мужского пола. Мирко не верил ни единому слову. Его брат просто хотел выставить себя в новом свете, будто он что-то знал! Мирко не стал даже расспрашивать, в основном чтобы не раскрыть свой интерес к их соседке, но еще и из страха ошибиться. На самом деле он сделал все, что мог, чтобы забыть слова брата. Теперь он ощутил сухость в горле и странную слабость в теле.

Незнакомец выглядел так, словно легко мог в одиночку вспахать всю долину. Теперь он потирал руки и поглядывал на амбар.

– Ну что, за работу. У меня есть пара часов, потом мне надо идти на лесопильню, – он помахал Мирко, чтобы тот шел следом, и широкими шагами пересек двор.

Мирко нехотя пошел следом. За кухонным окном он заметил вдову, уставившуюся в темноту.

– Сладкая девка оказалась, – донеслось бормотание мужчины.

Мирко словно шел за животным. Большим ворчащим зверем.

Мужчина открыл дверь амбара, обернулся и поймал взгляд Мирко.

– Что за женщина! Между нами, я никогда такой не встречал, а я их немало перепробовал. – Глаза у него были темные, почти черные. – Ну, Марко... ты же Марко? Небось, еще слишком юн, чтобы что-то в этом понимать?

Он подмигнул.

Мирко по-прежнему ничего не мог ответить, только разевал рот. Тогда мужчина довольно усмехнулся и положил тяжелую руку ему на плечо.

– Ах, ты еще узнаешь, что тебя ждет. В один прекрасный день, мой друг... Прекрасный день.

Он повернулся и зашел в амбар.

Мужчину звали Карл. Он остался.

После того, как на горизонте появился Карл, все превратилось в сплошную боль. И все равно Мирко не мог не ходить к ферме Даники на рассвете, даже в те дни, когда его там не ждали. К счастью, ей по-прежнему требовалась его помощь несколько дней в неделю, поскольку Карл работал на лесопильне и большую часть дня его не было дома.

– Тебе правда надо уходить в такую рань? – спросила как-то мама Мирко. Над горами еще только забрезжила тонкая полоска света, и мать зашла на кухню как раз в тот момент, когда он собирался уходить. – И так часто?

Мирко неловко улыбнулся и медленно кивнул.

Мама покачала головой:

– Да уж, ты всегда был крайне ответственным, Мирко. На тебя можно положиться. Надежный парень. Я каждый день благодарю Господа за тебя.

Мирко поспешил уйти, не поднимая глаз от пола. Она не знала, что он уже несколько дней прогуливает школу. Учительница думала, у него тетя заболела. Мирко уже много лет не видел своей тети. И раньше никогда не лгал.

Девятая заповедь².

От одной этой мысли у него болел живот. Но ведь тетя и правда могла заболеть? А тогда это уже не совсем ложь.

Утро за утром он пробирался в кустарник и смотрел, как луч света освещает колокол на углу хлева. И скамейку, на которой раньше сидела Даника. Больше она туда ни разу не приходила, но он все равно ждал.

Карл всегда выходил первым. Как правило, голый, с растрепанными отросшими темными волосами. Он обычно шел в туалет, сидел там с открытой дверью и смотрел на горы. Иногда стоял и писал прямо на траву, насвистывая что-то солнцу. Тело Карла производило впечатление: у него все казалось больше, длиннее, темнее и шире, чем у других мужчин. Впрочем, было одно исключение, заметил Мирко. Кое-что уже у Мирко выросло чуть больше, чем у Карла. Поэтому, наблюдая, как Карл писает, он вместе с беспомощностью ощущал тайную радость.

Чуть позже выходила Даника. Всегда босая, в белой ночной сорочке. Даже издали Мирко мог разглядеть, как грудь проступает сквозь ткань. Она тоже не закрывала дверь, сидя в уборной. Она – картина в раме, думалось ему. Немного напоминала ту, что висит у них в гостиной. Только без младенца Иисуса.

Наконец выходила вдова в своем черно-сером одеянии. Мирко гадал, уж не спит ли она в нем же. По-видимому, она срослась со своим горем, стала такой же черно-серой и под одеждой. Даника рассказывала Мирко, что ее мама уже полностью оглохла. У нее все не очень хорошо, сказала она. Мирко должен был снисходительно отнестись к старушке, если та казалась слишком строгой.

Мирко отнесся по-доброму. Он готов был выполнить любую просьбу Даники. С Карлом было тяжелее. Когда Карл помогал ему с тяжелой работой, он раздавал приказы, и Мирко не имел ни малейшего желания повиноваться. Он не против был сделать то, что ему велели. Но он не хотел делать это по приказу Карла. И все равно делал, потому что в конце концов это тоже было ради Даники.

Одним ранним утром, еще до того, как Карл появился, Мирко послышался крик Даники. Он толком не расслышал, звук был сдавленный. Но все же это был крик. Не испуганный, скорее умоляющий, и голос был похож на ее. Последующие минуты тянулись как часы, сердце Мирко колотилось так, что он едва мог вдохнуть. Он хотел пошевелиться, но не мог. Просто лежал под миртом и гранатом и не осмеливался ничего предпринять.

Потом вышел Карл, пописал и зашел обратно в дом. Чуть позже вышла она. В своей белой ночной сорочке. Босая. Она напевала.

Наверное, то был крик хищной птицы, решил Мирко. С Даникой явно ничего не случилось. В каком-то смысле было бы лучше, если бы Карл причинил ей боль, в приступе слабости

² Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего (Исх., гл. 20; Второзак., гл. 5).

подумалось ему. Тогда у него был бы повод возненавидеть этого мужчину. Потом он стыдился таких ужасных мыслей.

Десятая заповедь³.

Он знал, что все это неправильно. Он пошел по ложному пути и в кустарнике, и в голове, и много где еще. Но теперь его словно вела какая-то сила. Совсем не похожая на ту, которой молилась его мать, и намного более властная.

Они хотя бы не женаты, так что, может, это не совсем десятая заповедь.

Может, Карл еще уедет. Отец Мирко как-то говорил, что по природе своей сезонные работники непостоянны.

– Насколько мы рады жить на одном месте, Мирко, настолько же им нравится скитаться. Некоторые вообще не способны нигде осесть.

³ Не желай жены ближнего твоего, не желай дома ближнего твоего, (ни поля его), ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, (ни всякого скота его), ничего, что у ближнего твоего (Исх., гл. 20; Второзак., гл. 5).

Даника

Всего один мужчина сумел зажечь сердце Даники. Красавец-врач, бывший в городе проездом, он осматривал ее, когда она еще была юна и легко поддавалась влиянию.

Она тогда упала в обморок на рынке, как оказалось, из-за сильного воспаления в женских органах, которое, видимо, необходимо было лечить медикаментами и сеансами наложения рук. Чарующие речи и мягкие кисти врача, рассказы об океанских пароходах, автомобилях и жизни больших городов заронили в Данике мечты о другой жизни, других континентах, мире бесконечных возможностей и до сей поры недостижимого богатства, где и корову, и картошку видят только в виде блюда на сверкающей белизной тарелке.

Мечты быстро разрушились, когда он без предупреждения прервал внешний осмотр и потянулся дальше, к новым гинекологическим открытиям. После этого Даника поклялась, что никогда больше не станет доверять ни врачам, ни мужчинам с такими мягкими и ухоженными руками. Тем не менее его утверждения, что она не сможет иметь детей, ввелись в нее как непреложный факт, принеся в равной степени сожаление и облегчение.

В последующие годы Даника находила утешение и радость в компании ремесленников, шутов, батраков и сезонных рабочих. Среди мужчин, которые никогда даже близко не бывали рядом с белым халатом или хоть чем-то чистым. Кроме самой Даники.

Сейчас его звали Карл.

Работник приглянулся ей за мускулистое тело, глубокий голос и сексуальную ненасытность. Тем вечером, когда они познакомились в кабаке, она ощутила в нем какое-то обаяние, которого хватило бы как минимум на одну ночь. Они не тратили время на разговоры – Даника почти сразу спросила, поедет ли он с ней домой. Он кивнул, не без удивления во взгляде, но уверенно. Он положил свою ручищу ей на плечо, когда они шли в темноте, перебрасываясь только несвязными фразами. Она первая спросила. Она его вела. Прямо до самой спальни.

Тем не менее ей хотелось думать, что он ее преследует. Он ее покорил.

Ночью Данике казалось, что она кричала во весь голос, но она не была уверена. То был невыразимо высокий полет, путешествие в совершенно иной мир. Никто раньше не мог ее туда отправить, даже смазливый врач, в свое время сбежавший с ее невинностью.

Впрочем, она быстро обнаружила, что Карл – тот самый мужчина, разговор о котором она когда-то подслушала. На рынке компания легкомысленных девиц делилась опытом, и Даника не могла не наострить уши. Они называли его Карл Великий. В шутку. Он был явно знаменит на всю долину за свое умение покорить любую женщину. Умел произвести впечатление не только своей величиной и силой, вынуждена была признать Даника. В постели его словно ничто не сдерживало – ни мысли, ни предрассудки, – и Даника тоже сбрасывала все оковы. Она на какое-то время забывалась, отвлекалась от обязанностей на ферме, животных, даже для глухой матери в памяти Даники не было места.

Да, иногда она и правда кричала. От эйфории.

Даника решила наслаждаться, пока получается. Она отлично понимала, что Карл уедет, как только закончится работа на лесопильне, если не раньше. На таких, как он, нельзя положиться. И все равно она в первый же вечерпустила его в свою спальню. Других она заводила в хлев, или на берег реки, или еще в какой-нибудь укромный уголок. Внутри она никого из них впускать не хотела. Но что-то в Карле внушало ей уверенность. Это сбивало ее с толку.

Она вовсе не была влюблена. Он был хорош собой и страстен, но разговаривать с ним было неинтересно. Его высказывания сводились к пустым фразам и беспомощным наблюдениям. Надолго этого бы не хватило, ей нужно было больше.

Словно чтобы подчеркнуть контраст с неумением выражать свои мысли, Карл удивительно красиво насвистывал. Этого она не могла не признать. Он свистел как птичка.

Мать Даники всегда с недоверием поглядывала на великана, каждое утро заходившего в кухню, бравшего кусок хлеба и исчезавшего за дверью, не удостоив ее большего внимания, чем быстрый кивок. Однажды утром ей показалось, что он одними губами произнес неприличное слово.

– Что за грубиян! – высказала она дочери, вошедшей на кухню чуть позже. – Скорей бы ты уже нашла себе нормального мужика. Давно пора! Твоя младшая сестра никогда бы не спуталась с таким, как этот. Я уверена, что Таяна уже нашла себе хорошего мужа. Вот увидишь, в следующем письме мы о нем узнаем. А ты... ну что за верзилу ты к нам притащила? Что бы сказал твой отец?

– Ну, ну, отец умер, да и тебе недолго осталось, – успокаивающе ответила Даника, мягко целуя мать в лоб. – Ты моя глухая скандалистка.

Мать тут же успокоило внимание дочери, и вскоре она позабыла, что вообще была какая-то склока. Вместо этого она обратила злобу против всех тех, кто не пришел на похороны ее мужа. Особенно она была недовольна пастором, который будто веселился, когда вдова вложила всю свою истерзанную душу в песню над могилой любимого супруга.

В то же время вдова, очевидно, позабыла, что никогда особо не беспокоилась об умершем, что они за много лет едва обменялись парой слов, а потом вмешалась глухота, пришедшая незаметно. Она явилась естественным и удобным следствием тишины, думалось Данике. Так некоторые рептилии перенимают цвет окружающей среды.

Только обнаружив супруга без признаков жизни посреди поля, мать снова стала с ним говорить. Поток ее слов было не остановить, они хлынули наружу и заставили многих держаться от нее подальше. По крайней мере, она сама себя не слышит, думала Даника.

Постепенно мать все сильнее погружалась в собственный мрак и как злополучная муха вертелась в паутине мучительных мыслей о преходящей природе сущего и о раскаянии. Но в первую очередь она испугалась. Испугалась остаться одна, если Данике вздумается уехать с этим чужаком, от которого пахло большими животными и который казался бездушным переростком. Он настолько не был похож на ее двух сыновей, что ей казалось насмешкой уже то, что он поселился в доме, где они выросли. Она говорила сама себе, как хорошо, что мальчики этого не застали, и таким образом старалась приглушить боль от их отсутствия.

Семья уже много поколений подряд владела небольшим участком земли в юго-восточном уголке долины. Там они выращивали различные культуры и держали скот. В те годы, когда урожай подводил, они едва сводили концы с концами, продавая яйца, молоко и изделия из шерсти.

Не было сомнений, что гордостью отца был картофель, в том числе и потому, что его в этих краях обычно не выращивали. Даника выросла под рассказы отца о том, какая у них отличная картошка. Когда они ездили по городам и рынкам, а повозка была доверху нагружена золотистыми клубнями, она сидела рядом с отцом на козлах и слушала рассказы об особенном соотношении ветра и солнца в их долине, о том, как важен правильный севооборот и как лучше всего возделывать почву.

– На нашем скромном участке мы растим совершенно уникальный картофель. Запомни это, Даника. Он впитывает силу гор и соки долины и растет в земле, удобренной любовью. Любовь-то и делает его исключительным. Наша любовь к земле, – так он обычно говорил.

Разговоры про любовь всегда казались Данике небылицей, хотя она и не осмеливалась признаться в этом отцу. Для нее их картофель ничем не отличался от любого другого, который ей давали для сравнения. Она не замечала разницы ни на вид, ни на вкус.

Теперь же, когда самого его предали земле, на Дани-ку легла обязанность следить за посадками, равно как и за скотом и за вдовой, чьи измученные ревматизмом пальцы едва могли разбирать шерсть.

Больше всего ей хотелось все бросить и последовать примеру старших братьев. Уехать, сбежать. Она понятия не имела, где они, что с ними случилось. Пали ли они благородно и храбро в сражении по другую сторону гор или просто погибли из-за какой-нибудь чепухи на другом конце света. По крайней мере, они еще не вернулись домой, хотя и обещали.

Даника не знала, что один ее брат пьяным упал в пересохший колодец в Италии, когда в одиночестве прогуливался по виноградникам, а второго брата поглотили мечты о лучшей жизни в Америке. Зато она отлично была осведомлена о том, что ее угрюмая и склонная к полноте сестренка ведет беззаботную жизнь в различных заведениях вдоль берега. Вероятно, за ней присматривал какой-нибудь альфонс, вовремя помогавший ей переехать, прежде чем надзор за порядком возьмет ее предприятие в оборот. Даника с матерью периодически получали письма, в которых Таяна изо всех сил старалась скрыть источник своих скромных доходов. Много шьет, писала она. Мама гордилась этим объяснением. Обратного адреса на письме никогда не значилось. В сравнении с этим жизнь на ферме была, наверное, не так уж плоха, хотя Даника по природе была лучше приспособлена к ремеслу, чем ее более осмотрительная сестра.

Так или иначе, и от земледелия, и от проституции было далеко до той странствующей жизни, о которой в глубине души всегда мечтала Даника. По крайней мере, с тех пор, как в детстве встретила на ярмарке мрачную, но жгучую певицу.

– Подожди здесь, а я пойду переговорю со знакомым, – попросил отец. Она охотно кивнула и уселась прямо перед фургоном, чтобы лучше было видно представление.

Певица была одета в огненно-красное платье, у нее были длинные распущенные волосы, черные как уголь. Вокруг сидели трое таких же темноволосых музыкантов с блестящими лбами и в расстегнутых рубашках. Они уселись на маленькие табуреты, держа инструменты на коленях, и играли, закрывая глаза и отмеряя такт левой ногой. Нет, они не отмеряли такт, они стучали потрепанными подошвами по доскам так, что мелодию окружал раскатистый грохот. Фургон ожил и запульсировал.

Женщина была боса, с золотисто-коричневыми пальцами ног. Она танцевала и пела. Стройное тело сворачивалось и расправлялось, непослушные волосы обвивали ее языками пламени. В ней чувствовались сила и дикость, которые прежде всего жили в голосе. Сама женщина была шуплая, но голос у нее был мощный. Как первородный крик. В нем были ярость, радость, возмущение и счастье одновременно.

Даника не понимала, что она в тот день видела и чувствовала, но больше она никогда не встречала ничего, что настолько бы ее захватило. Отец не понимал, отчего она расплакалась, когда он пришел. Им ведь надо было вовремя вернуться на ферму доить коров.

– Ты же любишь доить, малышка Даника.

Он раньше ни разу не видел, чтобы его дочь плакала.

С того дня Даника мечтала заниматься тем же, что и та женщина из фургона: странствовать и выступать, хотя отлично понимала, что этому не дано осуществиться. Она даже умела петь. Даже умела петь чисто. Но ото всех это скрывала. Братья стали бы над ней смеяться. Свободная жизнь была мечтой, за которой она не решалась последовать. Она была и дерзкой, и порывистой, но вместе с тем безумно боялась оставить знакомую обстановку. И еще боялась подвести. Даже в те моменты, когда она ненавидела мать пуще чумы, она не переставала ее любить. И даже проклиная на чем свет стоит этот жалкий клочок земли, она знала, что любит именно эту землю, это место как саму себя. Да и картофель тоже.

Встретив Карла, она не могла не завидовать его беззаботному, лишенному всякой ответственности отношению к миру. Он мог взять и уехать, когда захочет, а Даника испытывала странное стремление удержать его. Правда была еще в том, что ей доставляло удовольствие быть объектом его дикого мужского желания. Она привыкла сама управлять своими любовниками, но Карл ей не подчинялся. Природа. С ним она вынуждена была отдать себя во власть кого-то большего, более сильного, чем ее собственная воля.

Она не хотела связывать себя. Он просто должен был находиться рядом, во всей своей мужественности, и это было странно. И еще она очень хотела, чтобы он помогал ей на ферме. Соседский Мирко оказался удивительно эффективным и надежным работником. Парень не чурался никакой тяжелой работы, и его было не выпроводить домой. Но если за дело брался Карл, он работал за троих. Это впечатляло. И по-своему возбуждало.

Однажды Карл по обыкновению пошел за ней следом через двор на кухню, чтобы поужинать, и ей подумалось, что она бы с удовольствием побыла одна, без него. Она устала после долгого рабочего дня, хотелось побыть одной, может, полежать в кровати. Иногда его становилось слишком много, и она даже начинала жалеть, что в свое время пригласила его внутрь и разрешила вот так остаться. Теперь уже поздно что-либо менять. Она не могла попросить его переехать в хлев, да и гамак будет маловат. Она бы с удовольствием держала его вместе со скотом и призывала по необходимости. Она стыдилась подобных мыслей, но они к ней приходили. Ненадолго.

Не в меньшей степени странным стало, она вынуждена была это признать, слышать в доме чей-то еще голос, кроме голоса матери, хотя и голос приятный. Но главное, что теперь ей было с кем поговорить. Он мог ее выслушать.

И хотя Карл едва умел читать и не обладал большими познаниями, чтобы расширять ее горизонт, он все равно рассказывал ей новое, поскольку бывал в местах, где она никогда не бывала. В нем жила вся долина и все окрестные горы. В нем жила природа. Животные. Она иногда замечала, как он останавливался понюхать цветок или послушать птичью песенку, и всегда при этом улыбался птице, как хорошей знакомой, словно встретил друга.

Ее удивляло, что мягкость не была ему чужда.

Карл

Все, что Карлу казалось красивым, было так или иначе связано с природой. Культура была ему безразлична. Ее люди держали в гостиных, куда он заходил лишь изредка. Ему казалось глупостью, что можно повесить плоскую картинку на гвоздь в стенке и считать это прекрасным. Особенно когда то же самое изображение можно было увидеть прямо за дверью, созерцать и обонять, проходя насквозь.

Книги тоже представлялись ему бесцветными, безжизненными и недостоверными. Карл никогда не обременял себя излишним чтением, ему хватало самого необходимого: этикеток, вывесок, ценников и объявлений о найме работников. Писать он почти не умел, хотя и мог поставить свое имя на договоре о найме и даже иногда его менять. Что касается его собственной фамилии, он не удосужился ее запомнить, поскольку ее сложно было произнести, а уж тем более записать. Со временем она исчезла в тумане, как и остальное его детство.

Все это полностью устраивало Карла, он не стремился много на себя взваливать. Он был свободной птицей. Всегда получал лучшее под чистым небом, хотя зимы и работа загоняли его в отсыревшие бараки, амбары и чердаки, где приходилось делить угол с другими мужчинами и терпеть их запахи. Другое дело, когда речь заходила о женщинах. С ними он готов был спать где угодно.

Кровать Даники была необыкновенно уютной. И все же он удивлялся, что так далеко зашел.

Это не было на него похоже.

– Ты куда? – спросил он, подняв на нее взгляд.

Она поднялась с кровати и стала к нему боком, так что половина ее обнаженного тела купалась в прохладном лунном свете. Одна грудь дерзко торчала навстречу окну, как небольшая голубая гора. Сосок возвышался. Даже тень была красивой.

Даника, не отвечая, обогнула столб кровати и исчезла в коридоре, преследуемая взглядом Карла. Ее волосы рекой стекали по спине. Что-то было в ее походке. В том, как покачивались ягодичы. До чего же роскошная попка, подумалось Карлу. Его член слегка пошевелился. За собственной широченной грудной клеткой, простирившейся как заросшая равнина, его не было видно.

На самом деле ему было все равно, куда она собралась, лишь бы быстро вернулась. Он услышал звон стакана на кухне. Молоко. Она решила попить молока. Скоро она вернется к нему со своими длинными рыжими волосами, обесцвеченными лунным светом. Он подумал о том, сколько раз он спал под открытым небом и видел, как лисица проходит мимо в своем серо-белом ночном одеянии. Утреннее солнце возвращало краски. И Данике тоже. Его сводили с ума ее рыжие волосы, светло-коричневые веснушки и зеленые глаза. И мраморно-белая попка.

Она двигалась не как лисица.

Может, олень? Он подумал о бело-золотистой задней части оленихи. Нет, не олениха. У нее более угловатая походка.

Кошка. Она двигалась как кошка.

Рысь!

Для женщины она была поразительно быстрой. Он отчетливо ощущал мускулы, когда брал ее за бедра. Да, в ней было что-то от дикой кошки.

Ему хотелось ее облизывать.

Ей могло такое понравиться.

Накануне вечером она снова кричала, как хищная птица. Громко, очень громко. Это хорошо. Ему нравилось, что он может довести ее до такого состояния, что она начинала кричать.

Карл улыбнулся, вспомнив, что в комнате сверху живет мать. Она едва ли слышала хоть звук. У него в голове не укладывалось, что эта мертвенно-бледная вдова была матерью такой красавицы-дочери. Наверное, когда-то старушка тоже была хороша. До чего же она с тех пор изменилась!

Даника говорила, что не может забеременеть.

Это отлично.

Об этом можно не беспокоиться.

Все остальные бесились со своим «теперь осторожнее». Даника никогда не бесилась, но она была бешеной. Она отдавалась ему вся, раз за разом, если они начинали. Это было... ему не хватало точного слова... насыщенно. Насыщенно. Раньше такого не бывало, не так. После того, как он подобрал Данику в том кабаке, другие его уже не интересовали.

За все время была парочка девиц, которые утверждали, что он – отец их детей. Это могло быть и правдой, но эти девки скромностью не отличались, так что с тем же успехом отцом мог оказаться кто угодно другой. Карл не хотел рисковать, чтобы они вцепились в него когтями, так что с тех пор он старался их избегать. Не то чтобы он имел что-то против детей, но вот так... Это было недостойно мужчины, который ни за что на свете не желает расстаться со своей свободой.

Ребенок стал бы оковами.

И все же он не мог не задумываться, как бы выглядели их дети, если бы у него и Даники могли быть дети. Одно он знал точно – получился бы красивый ребенок.

О том, что тебе дано

Ш-ш-ш... Нет, это только лось. Ладно, следующий лось обязательно окажется Мирко.

Ты заметила, что у меня веснушки? Попробуй разглядеть! Вот тут, и на руках, и на груди, и на лице. Мирко говорит, это капли восхода падают на меня, когда я сплю под открытым небом. На него капли почему-то не попадают. У него тоже есть чуть-чуть пятнышек, но мало и темнее. Наверное, на Мирко оседают капли ночи.

Волосы у меня тоже рыжее, чем у Мирко. Я однажды спросил, были ли мои мама и папа тоже рыжеволосыми. Он ответил не сразу. Он всегда думает, прежде чем ответить на вопросы о моих родителях. В основном он просит меня о них не спрашивать, но в тот день сам был не прочь поговорить.

– Как и у большинства людей, в тебе смешаны черты твоих родителей, Додо. Светлое и рыжее в тебе от матери, хотя ты чуть темнее. Веснушки и зеленые глаза тоже от нее. Отец был темнее. У него были карие, почти черные глаза и темные волосы. Размер же ты унаследовал явно от него, разве что вымахал еще больше. Он был сильным, но ты получился еще сильнее.

– Это единственное, что я взял от отца?

Мирко задумался.

– Свист, – ответил он. – Твой отец тоже свистел подобно птицам.

– Тогда он бы мне, наверное, понравился.

Мирко ничего не ответил. Он только пожал плечами.

Я часто пытаюсь вспомнить, как выглядел отец, но это нелегко, и со временем становится только труднее. У него был глубокий голос, это я еще помню. Возможно, я хорошо помню, как он здорово свистел, но ведь я могу путать с собственным свистом. Зато я абсолютно уверен, что он водил меня в горы и показывал серн, сов, медвежьи следы и лисьи норы. Он разрешал мне трогать все подряд. Гладкие камни и мягкую траву, совиную отрыжку и жуков. И все нюхать. Эти воспоминания делают меня счастливым.

Лучше всего я помню запахи. Особенно запах животных и цветов. Иногда они смешиваются. Каждый раз, когда нам с Мирко встречается белая орхидея с красными щечками, я вспоминаю отца.

– Понюхай, Леон, – говорил он, в этом я уверен. И я нюхал орхидею и обнаруживал, что она пахнет козой.

И он хлопал меня по плечу.

Мне казалось, что отец все время идет у меня за спиной. Может, оттого что я не помнил его внешности. В эти моменты что-то стягивало мне грудь. Иногда горло. Наверное, веревка.

Я помню, что он казался большим, когда в темноте заходил ко мне в спальню и начинал о чем-нибудь рассказывать. Он пах так, как обычно пахнут работающие мужчины. Потом и землей, и еще чуть-чуть водкой. Да, так пах мой отец.

У мамы был чудесный запах. И она была очень мягкой. Все же в ней было что-то неприятное. По крайней мере попытки вспомнить ее не доставляли мне удовольствия. Когда я думаю о ней, все словно застилает мрак, хотя Мирко и говорит, что она была светлой. И еще крик. Иногда я слышу крик. Я не знаю наверняка, она ли кричит, но, кажется, она. Не выношу, когда кто-то кричит. Лучше бы они молчали.

Но в тот день я предпочел говорить именно о матери, раз уж Мирко в кои-то веки был готов отвечать. Поэтому я еще раз спросил:

– А от мамы? Что во мне от нее?

– Точно твое лицо, Додо. Улыбка похожа на ее улыбку, особенно ямочки на щеках. И взгляд. В нем и сладость, и сила... Трудно объяснить. Но мне кажется, ты должен радоваться всему, что унаследовал от своих родителей.

– Кроме мускулов, – вздохнул я.

– Нет, им тоже следует радоваться. Благодаря им ты лучший рабочий в долине, – с этими словами Мирко положил руку на мое колено. – Именно благодаря твоим мускулам нам двоим всегда находится работа. Не забывай об этом.

Он задержал руку, и я не мог на нее не посмотреть. Черные полосы на суставах, темно-коричневая грубая кожа, почти как на моих ботинках. Так выглядят руки всех сезонных работников, как я заметил. Кроме моих. У меня руки больше, я могу ухватить то, что другим не подвластно. И я могу держать крепко.

Мирко отвел руку и закрыл глаза.

Мы сидели в тени старой ивы в тот день. Кажется, это было где-то на западной окраине долины. Возможно, после работы на консервной фабрике, которую мы ненавидели. Учитывая все обстоятельства, вот так сидеть и болтать было чертовски приятно. Мирко жевал соломинку, упершись лбом в дерево. Я сидел к нему лицом, а наши ноги лежали рядом. Я люблю так сидеть. Так мне его хорошо видно.

Он скрестил выпрямленные ноги и спустил подтяжки с плеч, так что они упали на траву по обе стороны. Я видел на рубашке оставшиеся от них светлые полосы. Рядом с ним лежал мешок, который он везде носил с собой. В нем одеяло, одежда, столовые приборы, миска, бидон и бритва. Может, еще книга. Не помню, была ли у него в тот день с собой книга. У меня тоже раньше была кожаная походная сумка, но я ее потерял, когда мы поспешно бежали из места, где я что-то неосторожно сделал с маленькой собачкой. Я люблю собак, особенно пушистых, но та кусалась и визжала так, что уши болели. Мне пришлось заставить ее замолчать. Потом мы сбежали.

Теперь я сидел в траве напротив Мирко и пытался подталкивать жучков, не раздавив их. К счастью, жуки молчат. У меня тоже всегда с собой мешок. С моими вещами и одеждой. Одеждой большого размера. Мы нашли в горах какую-то странную женщину, которая для меня шьет так, чтобы не жало. Когда она снимает с меня мерки, она клокочет, как небольшой веселый ручеек. Мне нельзя шевелиться, но я всегда смеюсь – стою там, слушаю ее клототание и наблюдаю за тем, как она суетится вокруг меня, размахивая белыми волосами. Как же приятно, когда ее мягкие маленькие руки касаются моей кожи. Чтобы достать до шеи, ей приходится вставать на стул.

Потом мне разрешают потрогать ее седые кудри, но очень-очень осторожно. Я обещаю быть осторожным. У нее такие прелестные кудри – немного напоминают барашка, но гораздо мягче на ощупь. Мне еще разрешают погладить ее овечек, но только плоской ладонью. Их шерсть немного царапается, но мне все равно. Это же шерсть. Я люблю шерсть. А еще тесто для булочек! Верь не верь, а однажды она разрешила мне запустить руки в такое тесто! Она сказала, что с удовольствием будет привлекать меня к замесу всякий раз, как соберется печь. Оно невероятно мягкое, это тесто. И женщина разрешила мне месить, сколько захочу. Представь себе, я и месил!

Я знал, что когда Мирко сидит, прислонившись к стволу дерева с закрытыми глазами, он не настроен общаться. Это знак, что он устал от разговоров. Но я не умел вовремя замолчать. Мы же наедине.

– Мы скоро опять пойдем к старушке? – спросил я.

– Не очень. У тебя же пока хватает рубашек?

– Да, но мне сильно хочется замесить тесто.

– Ммм. Придется потерпеть. Сейчас мы здесь, в долине.

Он упорно не открывал глаза.

– Наше место здесь, в долине... Так, Мирко? Ладно, в долине и горах. Это же и наши горы. И той старушки.

– Да, наше место здесь. Долина живет в нас, как бы далеко от нее мы ни уехали.

– Ты знаешь это, потому что однажды бывал в Америке?

– Да...

Что-то в манере, с которой он произнес это последнее «да», подсказало мне, что он собирается сказать что-то еще, поэтому я промолчал. Я просто ждал, и он заговорил:

– Вот как мне кажется, Додо... Удел человека быть плотью и кровью своих родителей. Ты только что услышал, что в тебе есть черты от мамы и от папы. Но еще мне кажется, в нас есть что-то от места. В нас есть та вода, в которой нас купали в детстве. Первый воздух, который наполнил наши легкие. Мы происходим из этой земли.

Мирко пожевал соломинку. Потом добавил:

– И даже если мы не укоренимся здесь, мы станем в конце концов землей и растениями, песком и воздухом. Мне кажется, это довольно странная мысль. Тогда получается, что человек продолжает жить и после смерти, да еще и пользу приносит.

Я попытался представить себе, что я превратился в землю. Я мог бы стать нехилым холмиком. А уж сколько бы от меня стало пользы после смерти...

– Мирко, но ты ведь говорил, что прежде, чем стать землей, надо, чтобы человека искусили мошки, жучки и другие животные? Ты так рассказывал.

– Да, так и должно быть. В природе все должно идти своим чередом.

– Да, я тоже так считаю.

Казалось, Мирко вот-вот уснет, а я пытался разобраться с землей, крутившейся у меня в голове. И я не мог не спросить еще кое о чем. В первую очередь, чтобы не дать ему заснуть.

– Иногда некоторые вещи очень легко перепутать, да, Мирко?

– Ну да, так бывает.

– Я, например, легко могу спутать черного дрозда и певчего дрозда. Или обычную крысу с водяной. А еще я не отличаю жену ростовщика от сестры пекаря в том городишке с толстым флюгером, это ты и сам знаешь. Разве что когда сестра вся в муке. У меня ощущение, что нужно столько всего помнить. Я же даже названия городов путаю.

Говорил только я. Мирко молчал. Глаза у него были закрыты. Потом я раздавил жука, потому что слишком сильно задумался обо всем, что обычно путаю. Это был обычный жук. Черный и гладкий. Он подергал ножками и умер. Так обычно и бывает. Почти все жуки похожи друг на друга.

– Мирко, мы скоро дойдем до какой-нибудь ярмарки?

– Ты же знаешь, мы на них не ходим.

Наконец-то он хоть что-то сказал.

– Из-за того, что я случайно сделал с тем типом в мешковатых штанах?

– Да, из-за шпагоглотателя.

– Но, Мирко, это же было так давно.

– Но больше такого повториться не должно. На ярмарке ты же все пытаешься потрогать. Я кивнул. Я вообще всегда все хотел потрогать. А штаны шпагоглотателя были такие мягкие и блестящие. Я за них только слегка потянул. Я не хотел, чтобы он упал.

– Мирко, смотри! Что это такое... у тебя на ботинке?

Теперь Мирко приоткрыл глаза и быстро взглянул на крошечное насекомое, на которое я показывал. Оно напоминало мушку, с красным панцирем и жутко волосатыми усиками, которые покачивались из стороны в сторону.

– Веероносец, – сказал он и снова закрыл глаза. – Это можно определить по пушистым усикам. Только не советую его трогать.

– Мирко?

– Да.

– Почему у женщин не бывает кустистых бровей?

Он тяжело вздохнул при этом вопросе. Хватит болтать.

– Ты иногда спрашиваешь о наиудивительнейших вещах, Додо. Есть куча гораздо более насущных вопросов. Из других областей. Не про женщин.

– Да, но...

– Дай мне уже наконец поспать.

Тут я нашел еще одного жучка, которого захотел перенести. Мне очень нравится ощущение, когда маленькое живое существо щекочет ладонь. И даже не обязательно, чтобы у него был мех, хотя это самое приятное.

Я еще и потому решил потрогать веероносца, пока Мирко спал. Мне очень хотелось потрогать его усики.

И тут он умер. Я быстренько его смахнул.

Уверен, Мирко это заметил, потому что он покачал головой, не открывая глаз.

Дом

Карл ничего ей не сказал. Он просто исчез в тот же день, как перестал работать на лесопильне. Прошло почти пять месяцев. Он и не помнил, когда в последний раз так долго работал на одном и том же месте. Его даже не интересовали другие работники. Они в большинстве своем его тоже плохо понимали, так что он почти ни с кем не общался. Они, наверное, удивлялись, что он не ночевал с ними в бараке, но никто не решался спросить.

Теперь настала пора уехать. В первую очередь – от нее.

Перед исчезновением он зашел на ферму, чтобы забрать мешок и взять немного еды. Даника была у расщелины и наверняка видела его силуэт на дороге, если смотрела в том направлении. А может, и не заметила. Карл не оборачивался.

Сначала он обошел город с севера, потом повернул на запад, пока не дошел до гор и не стал подниматься над равниной. Прохладный горный воздух очистил легкие от многомесячной тяжелой древесной пыли. Далеко на западе он мог различить море, голубые проблески между грядками гор. Над ним величаво парили большие птицы.

С гор можно было рассмотреть всю долину. Она тянулась на север, насколько хватало глаз. Только смутная тень вдалеке напоминала, что и этому миру есть конец. На востоке, по другую сторону полей, ферм и городков горный хребет раскинулся к северу и югу, как спящий разбухший великан. Весна укрыла долину персидским ковром, который с каждым днем становился все ярче.

Карл не останавливался. Он шел на север. Склоны гор еще были холодными, но между скал уже проступала трава и маленькие стойкие цветочки. Сладко и свежо пахло хвоей, птицы с каждым днем пели все громче. Мир вокруг просыпался одним глубоким вдохом, затягивая Карла к себе.

Дойдя до очередной расщелины, он спустился в долину. Там он чуть-чуть прошел вдоль главного русла реки и затем свернул вдоль притока к северо-западу. Теперь он будет работать здесь. В лесах. Тут любят больших парней.

Он всегда находил себе работу.

Он не мог больше оставаться с Даникой.

С ней Карл чуть не рехнулся. Подумать только, поселился у нее. На целых пять месяцев! Он настолько не привык каждый день возвращаться в один и тот же дом, просыпаться в одной и той же постели с одной и той же женщиной... Точнее, не пробовал. Теперь это стало привычкой, и это его пугало. Повторения. Одни и те же губы. Одни и те же прелестные ноги обвивали его тело. Одни и те же стройные мускулистые женские руки. Он видел однажды, как каракатица выползла на берег, схватила краба и утащила с собой под воду. У сильного и большого краба не было ни единого шанса совладать с каракатицей. Карл не хотел кончить, как тот краб, так что лучше было сторониться женских рук.

Просыпаться без нее тоже стало легче. Станет легче. Облегчение.

Он давно понимал, что ему придется исчезнуть, как только закончится работа на лесопильне. Иначе он бы вкалывал как зверь на ферме Даники, ей мужчина в помощь очень был нужен. Карл был не против работы, но только пока он видел ей конец. Даника не отпустила бы его, если бы у нее была хоть малейшая возможность. В этом он был уверен.

К тому же в мире множество прекрасных женщин, это он знал. Так зачем останавливаться на одной? Для Даники наверняка найдется отличный мужчина. Другой мужчина.

Об этом он больше думать не желал.

Изначальному плану Карл не последовал. Прежде чем дойти до леса, он двинулся в совершенно другую сторону, словно по велению какой-то силы. Он пошел на север без особенной

цели. Его притягивали горы. На севере хорошо, там он давно не бывал. Почему же он туда не ходил? Он ведь оттуда родом, думал он рассеянно. Как давно это было.

Очертания гор казались знакомыми и чужими одновременно. Как воспоминания о чем-то, случившемся не то наяву, не то во сне. Он двигался наверх. Вглубь.

Он жил на той пище, которую взял с собой, еще рыбачил в ручейках и поймал пару кроликов в силки. Карл никогда не хотел ружья. Дробь была жутким украшением, с которым животное могло днями бегать по лесу, пока не истечет кровью.

Иногда он посещал находящиеся на отшибе фермы в поисках подработки. Потом продолжал путь с новыми запасами. В пустынных горах никогда не знаешь, с чем повстречаешься. Где-то он увидел мужчину, лежавшего рядом со своей хижинкой среди первоцветов. Он смотрел в небо с блаженной улыбкой. Карл взял в сарае лопату и похоронил мужчину там, где нашел. Потом поставил камень, ничем особо не отличавшийся от прочих камней на лугу, но все же самый красивый из тех, что ему удалось найти. Кем бы ни был этот человек, он заслуживает красивого камня, подумал Карл. Даже если бы он мог что-нибудь на нем написать, он и представить не мог, что именно.

В каком-то месте он задержался на несколько недель, чтобы пасти овец. С работы его, впрочем, прогнали, когда он зашел на ферму за провиантом и наткнулся там на хозяина отары с нацеленным на него ружьем.

– Ты считаешь... ты думаешь... что ты можешь вот так вот приходить и приставать к моим невинным дочерям? Проваливай-ка лучше подобру-поздорову. Прочь!

Карл в недоумении рассматривал мужчину, у которого так сильно тряслись руки, что, стреляя, он наверняка промазал бы на несколько метров. Лицо у него побагровело, от страха или от злости – сложно сказать. Его борода торчала во все стороны, словно не могла решить, насколько густой ей расти и где на щеках следует остановиться. Карлу она показалась жалкой. Как животное в линьке. Вот только животное потом снова становится красивым.

– Дайте мне хотя бы еды с собой. И заработанное жалованье. Тогда я исчезну, – голос Карла звучал ровно, руки были спокойны, несмотря на дуло ружья, маячившее у него перед лицом, как ошалелый майский жук. – Хорошо бы еще немного водки. И тебе лучше бы потопиться к овцам, а то за ними никто не приглядывает.

Он кивнул пастушьей собаке, которая все время ходила за ним следом и сейчас улеглась у его ног, абсолютно безучастная к агрессивному поведению своего хозяина.

Мужчина фыркнул и крикнул что-то одной из дочерей, которая, судя по всему, стояла, спрятавшись за фронтоном. Она показалась и снова исчезла, а мгновение спустя прибежала с корзинкой. Девушка тоже покраснела, как и отец, но была намного симпатичнее. Она избегала взгляда Карла, когда ставила корзину у его ног. Потом она убежала обратно за угол, откуда теперь высовывались головы сестер, одна поверх другой, как маленькие бдительные совы.

Правда в том, что Карл не прикасался к девушкам, но он заметил, как они подглядывали за ним из-за скал и из расщелин в горах, пока он пас овец. Он слышал их смешки, и у него сложилось ощущение, что он *должен был* их услышать. Может быть, он мог бы тогда позабыться со всеми тремя сразу.

Если бы захотел.

Теперь он получил еду, жалованье и водку и, насвистывая, пошел прочь, не вполне понимая собственное настроение.

Его радовало, что у него есть водка, это точно.

Собака побежала за ним, не обращая внимания на крик хозяина. Под конец эти оклики превратились в истерический визг вдалеке.

– Иди-ка ты лучше домой, – прошептал ей Карл. – Ты ему нужна. – И собака неохотно побрела туда, откуда пришла.

Однажды он зашел на каменистую дорогу, которая казалась знакомой, и это его почему-то беспокоило. Он вспоминал очертания горных хребтов и скал. Он знал, что до горной долины с разбросанными домишками и скромной церквушкой больше никто не сможет добраться. Но сперва дорога пройдет мимо небольшой фермы.

День выдался удивительно теплым. Настолько теплым, что воздух трепетал и даже недвижимые горы, казалось, шевелились.

Карл шагал все медленнее, когда огибал очередной выступ скалы. Он остановился, задев вдалеке ферму.

Это не сон. Это дом, где он вырос.

Он чуть-чуть постоял. Какая-то частичка его хотела развернуться, но странная мучительная сила препятствовала. Ему надо было проверить, живы ли еще те двое, кто в свое время воспитали его. Сможет ли он их узнать? А они его? Он пробовал вспомнить их лица, но, казалось, все стерлось из памяти. Он не понимал, отчего. Он помнил природу, дорогу, дом. А другой жизни не помнил.

Они были там. Сидели рядышком на веранде, уставившись в пустоту. Он подошел ближе. Их кресла покачивались вразнобой, и казалось, что они отталкивались друг от друга, а потом тщетно пытались снова сблизиться.

У Карла сердце забилося неровно. Эти двое показались ему такими старыми и измученными, что он прошел мимо, не останавливаясь, не пытаясь поймать их взгляд или рассмотреть, как они выглядят. Вместо этого он разглядывал дом, который выглядел как развалина, несмотря на каменные стены. На земле вдоль стены лежали упавшие детали черепицы. Пару дыр в крыше попытались прикрыть кожаными мешками, напоминавшими истощенных зверей. Кусок трубы обвалился.

Казалось, и дом, и его обитатели вот-вот иссохнут и рассыпятся под палящим солнцем. Карл подумал, что внезапный порыв ветра мог бы сдуть этих двоих с кресел, так что они беспомощными ветряными духами полетели бы перед ним по дороге. Его передернуло, несмотря на жару, и он пошел дальше, не оборачиваясь.

Безымянное гудящее беспокойство привлекло его обратно к тому месту пару недель спустя, но теперь там уже не было этих людей, а крыша рухнула. На веранде стояли кресла-качалки и слегка покачивались на ветру, словно старики только что встали.

«Продается», – гласила надпись на табличке перед домом. Он прочитал ее по буквам. Табличка криво держалась на палке и, казалось, сама в себя не верила.

Карл замер, глядя на пустые кресла.

– Черт побери, – сказал он. – Черт побери.

Он поднял камень и бросил его к дому. Тот оставил пару трещин в оконном стекле, и так уже разбитом. Дыр в нем прибавилось.

Карл внезапно вспомнил, что у мужчины раньше была борода. Седая борода пеной прикрывала подбородок и щеки, отчего его лицо казалось больше, но не становилось мягче. Он был мощным. Высоким. У него были ярко выраженные черты лица, темные жесткие глаза. Волосы женщины были тогда матово-черными, собраны в пучок, лицо сухое и морщинистое, как застывшая глина. Она почти всегда стояла на кухне спиной к нему. Она протягивала еду, не глядя. Обычно кашу. Даже когда она смотрела на Карла, она словно не хотела смотреть. Она только давала ему еду. И кров. По утрам его отправляли в поле, где он работал дотемна. Иногда его вместо этого отправляли к священнику, который должен был научить его читать и писать и злился, если Карл не приходил.

У священника было две Библии, вспомнил теперь Карл. Одна была очень потрепанная, и казалось, из нее торчали длинные небесно-голубые волоски. Этой он обычно бил. Вторая была в переплете из светлой блестящей кожи, ее он целовал, но никогда не открывал.

– Хоть что-то умное в тебя возможно вбить, – кричал он, молотя потрепанной Библией по пальцам. – Ты что, совсем ничего не понимаешь, мальчишка?

Карл тогда ничего не понимал. Он редко понимал слова из книг. Не видел смысла во всех этих разговорах о Боге. Знал только, что он появился на свет в поле где-то неподалеку и что в ту ночь был сильный туман. И даже если бы небо было ясное и светили звезды, едва ли пришли бы трое волхвов. Так сказал священник. Карл предпочитал ничего не говорить. Единственное, что скрашивало посещения фермы священника, – его жена. Кругленькая и улыбчивая, когда муж не видел. Еще он помнил их младшую дочку, которая с удовольствием стояла в дверях и глазела, наступая себе на пальцы и пытаясь засунуть кулак в рот, не отводя взгляд от гостя.

Нет, Карл совершенно ничего не понимал. Почему, например, он должен спать на жесткой скамье на кухне, когда в доме была пустая комната. С мягкой кроватью. В той комнате стояли аромат и тишина, которые ему очень нравились. Но Карлу нельзя было там спать.

Ему нельзя было даже заходить туда. Словно бы комната ждала, что туда кто-то вернется.

Еще он не понимал, почему его родители были такие озлобленные. Почему мама была такая молчаливая, а отец часто злился. Они никогда не улыбались. У Карла сложилось впечатление, что он повинен в их несчастье. Но не знал, что сделал неправильно. Он всегда выполнял все их просьбы.

Меньше всего Карл понимал, почему его серобородый отец приходил ночью на кухню и делал с ним что-то, о чем он не должен был обмолвиться ни единым словом, если ему жизнь дорога. После старика в воздухе оставался кислый запах, и Карл сам должен был потом вымыть скамью. Его мама не могла не знать, не могла не почуять. Но она молчала. Она всегда молчала.

В качестве эксперимента Карл сделал то же самое с младшей дочерью священника, чтобы ощутить, каково быть тем, кто это делает. Это было приятно, но только до тех пор, пока священник не поймал их с поличным за поленницей. Девочка не издала ни звука, только таращилась на Карла огромными глазами. На ощупь она была удивительно мягкой.

В тот день священник вбил в Карла, что вход в дом священника ему заказан навечно, равно как и в царство Господне. Он должен был теперь идти домой и рассказать все своим бедным родителям.

Потом его побил его же отец.

– Ты стал проклятием с самого твоего рождения, – кричал он. – Наше проклятие.

Тут уже Карл взорвался:

– Так объясните, что же я наделал! Скажите! – крикнул он.

Отец рассказал, не прекращая пороть Карла ремнем, сильнее, чем когда-либо:

– Твоя мать, черт побери. Наша дочь! Когда ты родился, ты убил свою мать. Она не заслужила смерти... а ты... ты не заслужил жить.

Он вдруг перестал пороть и уставился в воздух, дыша, пыхтя, источая кислый запах.

Карл посмотрел на старушку с блестящими глазами, на старика с ремнем и понял, кто они такие.

– А мой отец?

– Твой отец был дьяволом, изнасиловавшим девочку.

Карлу было всего тринадцать лет, когда он пошел через поле, не оборачиваясь. В руке у него был кожаный мешок со сменой одежды и ножом, коркой хлеба и двумя сосисками. И еще полбутылки водки, потому что это единственный напиток, который он сумел найти впопыхах.

Он слышал крики мужчины. Что-то про самогон. Потом он почувствовал прилетевший в спину камень с острыми краями, но он бежал, даже не вскрикнув. Теперь старик уже не сможет его достать.

Женщина стояла на кухне спиной к окну.

Теперь он вспомнил. Вот здесь, перед этим домом, где он всегда ощущал себя чужим. И который теперь выставлен на продажу. Карл чувствовал, как воспоминания хлынули волной и начали его душить. Но было и еще кое-что.

Гнев.

– Эй, вы заинтересовались? – крикнул кто-то, и Карл повернулся на звук. Мужчина на громыхающем велосипеде.

Мужчина улынулся, перекинул ногу через седло и подъехал ближе, балансируя на одной педали. Волосы при этом растрепались, так что он напомнил Карлу одну птицу, названия которой он, впрочем, не помнил.

– Заинтересовался? Боже упаси! – прошепел Карл. Это прозвучало так злобно, что он сам ужаснулся. Он вовсе не хотел казаться неприветливым, мужчина, без сомнения, хороший человек. Он хотел что-то добавить. Извиниться. Но мужчина испуганно взглянул на него и перекинул ногу обратно через седло. Он быстро поехал к церкви и разбросанным вокруг домам.

Карл раньше не подозревал, что может испытывать такую злость. Сжимающую ярость, напоминавшую ярость того мужчины, который оказался ему не отцом, а дедом. Или все же отцом?

Он в сердцах пнул курицу, переходившую дорогу прямо перед ним, и пожалел об этом, прежде чем курица успела пожалеть о выбранном маршруте. Теперь она лежала в отдалении и барахталась, а перья и пух парили в воздухе.

– Извини, – прошептал Карл, сворачивая курице голову. И извинился еще раз, отрывая ее: – Прости. Я не знаю, что со мной происходит.

Карл бросил голову на землю, та лежала и бурила его растерянным взглядом. Он мгновение смотрел в ответ. Потом сунул тушку курицы под мышку, взвалил мешок за плечо, бросил последний взгляд на отчий дом и вышел на пустынную горную дорогу, которая его сюда привела. Он точно знал, что никогда в жизни больше не вернется.

Курица пробудила в нем воспоминания. Карл шел и вспоминал ту ночь, когда он сбежал. Он помнил боль в спине от камня. И облегчение, нараставшее с каждым шагом, отдалявшим его от фермы. На небе было полно звезд. Вскоре он вспомнил, какое счастье – спать под открытым небом и просыпаться от того, что пара кроликов копаются в траве рядом. Какое наслаждение он испытал, откупорив бутылку самогона и впервые в жизни попробовав алкоголь, как он почувствовал себя взрослым, свободным и немного пьяным.

Тогда его потянуло на юг, в долину, и вскоре ему повезло найти место в трактире, откуда недавно сбежал посудомойщик. Карл был высоким, так что все поверили, что ему уже шестнадцать. А сам Карл толком не знал, сколько ему на самом деле. Только что он большой. Он делал все, что ему велели, в том кабаке. Мыл посуду. Вскоре он же прибирался, следил за курицами, красил фасад, чинил крышу. От него был толк. И он был сильным. Но однажды он устал подчиняться и спать на затхлом матрасе в пристройке, и он поступил так же, как и его предшественник. Сбежал, прихватив курицу под мышку. А еще пару свежих яиц, ветчину с кухни и небольшую кастрюльку. Было уже поздно, поэтому никто ничего не заметил, кроме разве что петуха, который взволнованно кукарекал о деянии Карла в предрассветных сумерках. Но ему так и так положено было кукарекать.

Это было так давно. Тем не менее, Карл отчетливо помнил ощущение в груди в то утро. Чувство, что он сам себе господин, что он полностью свободен.

С курицей под мышкой.

Он свернул с горной дороги на звериную тропу через искалеченный кустарник, вдоль склона, по жесткой траве и снова через кустарник. Он чувствовал, как рубашка прилипает к

телу, пот стекает со лба и висков в бороду, которой уже несколько недель не касалась бритва. Наверное, он похож на дикаря.

Когда он зашел так глубоко в пустынную местность, что вероятность встретить кого-либо сводилась к нулю, он принялся пинать дерн, швыряться камнями и обломками скал, какие только попадались ему на пути.

Так продолжалось много часов подряд, и все это время он громко проклинал своих бабушку и дедушку. И еще священника. Он ненавидел их за то, что они с ним сделали. Но сильнее всего он ненавидел всеразрушающий гнев, который они в нем зародили. Он не хотел забирать с собой ни воспоминания, ни злобу, покидая это место. Нет, черт побери! Они должны быть похоронены здесь. Вечером он валился с ног от усталости. Уснул Карл быстро и проспал до позднего утра, не видя никаких снов.

Когда он наконец продрал глаза и посмотрел на синее небо, злость растворилась в горном воздухе, воспоминания превратились в легкие облачка, убежавшие за горные вершины. Где-то неподалеку пела птичка.

– Вот и все, – прошептал Карл сам себе. – Ты свободен.

Последнее было ложью, это он знал. Понимал это уже какое-то время.

Даника. Она осталась с ним, то и дело мерещилась ему. Светящаяся и смеющаяся. Дразнящая своей покачивающейся попкой, стройными ногами и торчащими грудями. С мягкими губами, которые она смачивала кончиком языка.

Но в его видениях она была не одна и манила не только Карла, но и других.

Больших мужчин, которые приходили, помогали и развлекались с ней, так что она кричала от удовольствия. Толпы потных мужчин по очереди обладали ею в поле и в спальне, на кухне и на сеновале. Мужчины оставались у нее жить и с удовольствием впрягались в работу на ферме. Чтобы получить самое ценное. Ее.

Именно ее.

– Дурак. Поганный трус, – шептал про себя Карл, направляясь на юг.

Она как раз собиралась пахать, когда он появился на горизонте ранним утром. Других мужчин вокруг не было. Только соседский мальчишка, который собирал камни в дальнем конце поля.

Даника секунду смотрела на Карла, а потом, не меняясь в лице, отдала ему длинные ремни. Он отбросил мешок с вещами, перекинул ремни через плечо и ухватился за рукоять плуга.

Карл смотрел ей вслед, когда она шла к дому. Он не мог оторвать глаз от ее бедер. Ему подумалось, что он никогда не видел ее такой красивой. Наверное, его собственный голод придавал полноты ее формам, но она выглядела пышнее. Грудь налились под платьем, попка округлилась, кажется, и живот тоже, лоно... Он подумал о таком знакомом налитом соком поле. Представил себе, как это прекрасное тело взрывается от жгучего желания, и он представлял себе, как она ждет именно его.

И все же он не мог избавиться от мысли, что и другие могли испытать это наслаждение, пока он отсутствовал. Это мучило его, и, отпахав небольшой участок земли, он свистом подзывал мальчишку. Он должен был узнать.

Парень отложил камни с невыносимой медлительностью и подошел к Карлу.

– Привет, – сказал Карл. Как зовут паренька, он забыл. Не то Марко, не то Мирко. – Скажи-ка, сюда другие ходили, пока меня не было? Ну, другие мужчины?

– Нет, только я, – ответил парень, осторожно покачав головой.

– Только ты? – Карл громко искренне рассмеялся. – Спасибо, дружище. Можешь возвращаться к своим камням. Надо закончить с этим полем.

Парень исчез из виду, и Карл скоро забыл о его присутствии. Он думал о Данике и вдыхал запахи весенней земли.

Даника делала вид, что возвращение Карла ее совсем не тронуло, но это было не так. Заметив его в поле, она испугалась. Он подошел, как вернувшийся с войны солдат, но она не могла определить, победитель он или побежденный. На вид – и то, и другое. Она и сама не раз испытывала подобные смешанные чувства – она не хотела, чтобы он снова ворвался в ее жизнь, но была рада, почти что торжествовала, увидев его в поле. Он все-таки не смог жить без нее.

В тот день, когда Карл ушел по шоссе с вещевым мешком, она сказала себе, что избавление от него принесет облегчение. Но правда была в том, что она скучала по его помощи и по разговорам с ним. Она не почувствовала себя освобожденной, ей нисколько не хотелось бежать к другим мужчинам. В глубине души она надеялась, что он вернется.

И вот он возвышается перед ней так, что у нее перехватывает дыхание. Как и прежде, широкие плечи, мощная грудь и крепкие мускулы Карла заставляли верить, что в нем соединились сила и мужественность всего мира.

И все же в нем был надлом, слабость, которую она ощущала постоянно, но до сих пор не могла раскусить. Только в этот момент она поняла, как она выражалась. Голова Карла была по-королевски приподнята, как раньше. Он будто немного стоптался: опустил взгляд и ссутулится, словно на него было взвалено великое бремя. Он напомнил ей титана Атласа, о котором она как-то читала. Это великан, приговоренный нести на плечах небесный свод. И в тот единственный раз, когда ему представилась возможность освободиться от вечного наказания, ему не хватило ума ею воспользоваться.

Карл и правда много чем напоминал Атласа. Выдающимся умом он тоже не блистал. И все же сейчас она так же не могла противостоять ему, как и раньше. Когда он стоял перед ней, ее тут же охватывало что-то, напоминающее теплые чувства. Темные глаза Карла смотрели на Данику с насыщенной и ясной прямоотой, искренностью, которая пронзала до самого сердца. Волосы у него были средней длины, взъерошенные, как и должно быть у рабочего, но все равно в них всегда виднелась небрежность. Нарочитая. Она заметила, что волосы слегка влажные, словно он купался в реке перед приходом. Одежда выглядела почти чистой. Рубашка застегнута до середины груди, рукава закатаны выше локтя, загорелая кожа заросла волосами.

Она рассматривала его лицо, не глядя прямо в глаза. Нос длинный, широкий и симметричный. Нижняя половина лица мощная, выпирающая и покрытая густой щетиной той длины, чтобы можно было четко различить овал лица. Карл относился к тем людям, кто не успевал сбрить бороду, как щетина снова покрывала лицо. Над раздвоенным подбородком – губы. Потрескавшиеся, жаждавшие, ждавшие ее. Они не двигались. Выжидали.

Она ушла. Пусть подождут. Пусть пашет.

Следующие несколько часов Карл вкалывал без передышки, пока она не вышла из дома с ломтем колбасы и куском хлеба. Он отодвинул еду и вместо этого взял Данику. Прямо там, в свежевспаханной борозде, сзади. Утреннее солнце мягко ласкало мраморную кожу, когда он поднял платье, стянул трусы и вошел в нее. Он заметил, что его ждали. Ни малейшего сопротивления, только тепло, влага и жажда. И еще эта новая пышность. Она кричала громче, чем раньше, а он зарычал, как бык, когда кончил.

Лошадки-тяжеловесы, запряженные в плуг, не привыкли к резким звукам и шуму, они тихонько заржали и принялись беспокойно переминаться. Впрочем, они быстро успокоились, просто перенесли вес на задние ноги. Пускаться с места в карьер было не в их натуре. Их вполне устраивало место, где они стояли.

С дальнего угла поля соседский сын стал свидетелем этой случки. Очевидно, ошарашенный увиденным, Мирко замер с открытым ртом, чуть приподняв руки, словно в испуге, таким краснощеким пугалом. Он выронил камень.

Они еще не сказали друг другу ни слова, когда Карл пришел с поля на ужин. Мать сидела на своем обычном месте за столом, с бледным лицом, нависая над миской с супом.

Она пристально посмотрела на гостя, когда он появился в дверях, и когда он сел напротив, издала звук, который нельзя было понять иначе, чем проявление неудовольствия. Глаза у нее были дикие и старые. Одежда все такая же черная.

Карл посмотрел на нее преувеличенно спокойно и, не удержавшись, подмигнул ей. От его поведения дыхание у нее сбилось, движения стали суматошными, и она пролила немного супа на стол.

«Старая карга, – подумал Карл, рассматривая вдову. – В конце концов, от нее остались только кожа да кости».

С дочерью дело обстояло иначе. Даника привыкла худеть и толстеть по своему месячному циклу, если она вообще обращала на это внимание. Она совершенно не беспокоилась ни о том, что у нее прекратились кровотечения, ни о том, что она слегка поправилась.

По воле случая именно этим вечером ее сын решил заявить о своем присутствии ошутимым пинком в мамин мочевого пузырь – и в ту же секунду его бабушка упала лицом в суп. Глухая и мертвая.

Нет оснований полагать, что эти события могут быть связаны, но вместе они привели к тому, что Даника попросила Карла на ней жениться. Он сказал «да».

Вера, надежда и младенец

Ближайшая церковь находилась не так далеко, и священник счел, что можно устроить похороны и венчание в один день, когда Даника об этом попросила.

У него были ирландские корни, он был любителем виски, и последнее окрасило его кожу в красноватые тона, особенно лицо. Даника не помнила других священников, кроме него, и создавалось ощущение, что он вообще не стареет. Разве что глаза стали со временем чуть меньше да пара морщинок поселилась в уголках. В остальном же кожа оставалась гладкой, почти блестящей, и в темных волосах не мелькало ни намека на седину. Видимо, Господь хранит своих священников, помогает им жить дольше остальных, подумала Даника. Или дело все в том же виски. Многим казалось, что с годами священник стал лучше.

Они решили начать с похорон, и все прошло так, как и ожидается на похоронах. Никто не вмешивался, даже виновница события, которая, будь в ней хоть капля жизни, не упустила бы случая поворчать.

Итак, мать Даники благополучно воссоединилась со своим ставшим землей супругом, в непосредственной близости от покойных родителей в дальнем уголке кладбища. Потом небольшое сообщество степенно вернулось к церкви под звон колоколов и там преподнесло почти-тельные поклоны окаменевшим духам прошлого.

Все вошли в прохладное помещение церкви и придали лицам более веселое выражение, подняли воротники, разгладили свои лучшие одежды и подготовились к венчанию.

Вера была частью природы Даники, так же как природа была частью ее веры. Тем не менее абсолютное доверие родителей духовному Даника всегда воспринимала со скепсисом. Мать слишком часто начинала призывать Бога и Иисуса по делу и всуе, и малышка Даника не могла не заметить, что они никогда не приходят. Даже в то утро, когда ее старший брат попал себе топором по ноге, они ведь могли бы приехать и приделать мизинчик обратно. Данике это казалось подозрительным и просто-напросто лишало желания общаться.

Жили они, кстати, поблизости. В хижине.

По какой-то причине Даника рано выяснила, что Отец и Сын живут вместе со Святым духом в полуразрушенном домишке, стоявшем у дороги у подножья холма с церковью. Наверное, дело в том, что ее отец всегда принимал очень благочестивый вид, когда они огибали холм, и церковь с хижинкой попадали в поле зрения. Он склонял голову, закрывал глаза и складывал руки для молитвы, не отпуская поводьев. Лошади уверенно шли дальше, ничего не замечая.

Даника глаз никогда не закрывала. Наоборот, она стремилась увидеть. Она испытывала любопытство и страх одновременно. И если некоторые от страха закрывают глаза, чтобы не видеть, то другие, наоборот – пристально все разглядывают.

Иногда Даника замечала, как шевелится занавеска на окне Божьего дома, но ей не повезло, она не увидела за ней ни Отца, ни Сына, и от этого место казалось только еще более жутким. Что касается Святого духа, он всегда был на привязи и злобно огрызался на прохожих. Даника боялась того дня, когда он сорвется. Еще больше она боялась тех двоих, которые никогда не показывались на глаза, а потому могли прятаться где угодно.

Даника испытала смесь замешательства и облегчения, когда осознала, что просто перепутала адрес. Откровение пришло, когда отец однажды остановил лошадей прямо перед развалюхой, прыгнул с козел и с любопытством заглянул в окно. Даника осталась сидеть на козлах, оцепенев от ужаса, она видела пустую цепь, валяющуюся в гравии. Святой дух вырвался на свободу! Она ждала, что в любую секунду он может выскочить, с голубыми дикими глазами и слюной на зубах.

Отец же ее был спокоен, он даже тихонько напевал. Когда он забрался обратно на повозку, он рассказал, что старик в доме недавно умер, а его пройдоха-сын сбежал и женился на слепой девушке на севере. Что же до пса...

Святого духа убили.

– А... Бог? Где живет Бог? – в замешательстве спросила Даника. Отец посмотрел на нее и показал на церковь позади домика.

– Бог живет вон там, малышка Даника!

Больше они об этом не говорили.

Священник откашлялся, и Даника поняла, что она еще не подтвердила, что готова стать женой мужчины, стоящего рядом с ней, любить и уважать его.

Правда в том, что хотя она испытывала по отношению к Карлу теплые чувства, она не могла представить себе любовь к нему, только в самом плотском понимании. Она не могла избавиться от мысли, что в этой свадьбе есть какой-то обман, раз ее сердце не лежит к этому. Но она убедила себя, что иначе будет хуже. В ее утробе его ребенок. Она не верила, что такое может случиться, не верила, что заслуживает.

Ребенка она будет любить!

В конце концов она решила считать, что такова воля Божья, что ей суждено жить с этим ребенком и с этим мужчиной. То, что ей дарят новую жизнь, забирая отслужившую свое прямо посреди трапезы, казалось чудом. По меньшей мере приносило равновесие, и не человеку судить об этом. То, что именно Провидение ниспослало сильного, крепкого отца и кормильца ей в дом, слишком очевидно, чтобы она рискнула противиться.

В тот момент будущее казалось ей скорее огромной беспокойной тенью, которая нависала у нее над душой. От Карла исходил легкий аромат настойки, и она надеялась, что священник этого не заметит. С другой стороны, священник сам пах солодовым виски, так что все нормально. Наверное, у них больше общего, чем кажется на первый взгляд.

Тут она ощутила, как ребенок внутри устраивается поудобнее.

Она поспешила сказать «да», пока не пожалела.

Даника родила мальчика дома при помощи соседки, которая приняла на свет столько детей за свою жизнь, что уже давно потеряла им счет. Ее собственных детей разметало по миру, кроме Мирко, еще жившего дома, но и тот уже не мог называться ребенком. Тем не менее волосатые руки женщины приняли ребенка Даники с такой мягкостью и опытностью, словно у нее самой был дома младенец.

Роды не были простыми. Данику не раз посещала мысль, что она рождает собственного мужа. Малыш, которого она готовилась выпустить в мир, казался очень сильным и огромным.

Крики при схватках слышны были с дальних полей, где работал Карл, пот вперемешку со слезами катился по его щекам. Соседка запретила возвращаться в дом, пока не закончатся роды, и он был только благодарен, что его отослали. В то же время его парализовал страх. Страх всего.

Больше всего он боялся потерять жену.

Когда соседка наконец встала с новорожденным в руках, она не сдержала изумления.

– Это самый большой младенец, какого я когда-либо видела, – сказала она Данике.

– Кто? – выдохнула измученная Даника.

– Самый большой младенец, какого я видела!

– Да, но кто это?

– Мальчик! У тебя родился отличный парень. Вот увидишь, ты на него не нарадуешься. Но хорошо, что он не задержался внутри и не вырос еще больше. Никогда такого огромного не видела.

Она не без труда подняла мальчика и положила его маме на живот. Даника еле успела взглянуть на лицо младенца, а потом оно исчезло между ее грудями. Она заметила плотно закрытые глаза, маленькие поджатые губки, широкие скулы, крошечные ушки, прилипшие к голове. Потом ей стало видно только затылок, покрытый густыми рыжими волосами. Для новорожденного у него была необычайно роскошная шевелюра. Она осторожно провела рукой по волосам, а потом положила обе руки ребенку на спину. Кожа была теплой и влажной. Живой.

– Спасибо, – прошептала она. – Я думала, что умру.

– Честно говоря, я тоже, – сказала соседка. – Мне придется тебя там внизу немного зала-
тать. После того, что ты только что перенесла, ты этого не заметишь. Моисей милостивый, ну и ребеночек. Ну и ребеночек.

Пока соседка сутилась над промежностью, которая после родов и правда потеряла всякую чувствительность, Даника молча лежала в постели в тумане измождения и облегчения. Руками она все время искала ребенка. Мальчик спокойно дышал, очевидно, не переживая, что его только что вырвали из одного мира и поместили в другой.

Тем больше Даника перепугалась, когда по телу новорожденного прошла внезапная сильная судорога. Она подняла руки, словно обожглась.

– Его трясет! Почему его трясет? – едва не крикнула она, не опуская рук.

Соседка подняла глаза и посмотрела на ребенка, который снова успокоился.

– Просто судорога. Иногда душе нужна встряска, чтобы устроиться в теле, – сказала она и вернулась к работе.

– Бояться нечего?

– Нечего.

Успокоенная этими словами, Даника продолжила нежно поглаживать рыжие волосы младенца, постепенно ощущая, как силы возвращаются к ней. Словно ребенок вдыхал в нее новую жизнь.

– Я знаю, – вдруг сказала она. – Его будут звать Леон. Это значит «лев».

– Леон? Что за чушь. – На этот раз соседка тяжело поднялась, упершись рукой в бок. – Здесь в долине никого так не зовут. И львы, насколько я знаю, здесь тоже не живут.

– Ну и что, а я однажды общалась с шутом... Помните, несколько лет назад тут проходила труппа, выступала на городской площади? Так вот, он назвался Леоном и рассказал мне об этом имени.

Даника отлично помнила того шута, как в одежде и среди труппы, так и без одежды в одиночестве.

– Он многое умел, – улыбнулась она. – И очень ловко глотал огонь.

– А ты, наверное, проглотила гвоздь. Ты ведь не хочешь, чтобы твой сын стал шутом? – сказала соседка, показывая на младенца.

Даника все время улыбалась. Она закрыла глаза.

– Наверное, нет. Но его будут звать Леон. Сильный львенок, представь себе. Мне нравится, что мой сын будет немного выделяться.

– Ну, в этом я не сомневаюсь. Но что скажет твой муж насчет этого имени?

Даника открыла глаза и спокойно посмотрела на женщину, словно бы издалека.

– Пусть Карл говорит, что захочет. Не ему решать.

Соседка мыла руки в тазике с водой на кухне, когда открылась входная дверь. Отец ребенка держался подальше от дома, как ему и велели. Она говорила, что можно возвращаться, когда уже долго будет тихо.

И вот он стоит в дверях и почти полностью заслоняет собой дневной свет. Он не зашел, остался стоять на ступеньке у двери. Ему пришлось наклониться, чтобы заглянуть на кухню.

– Она жива? – спросил он робким голосом, не вязавшимся с его внешним видом.

– Да. Она жива, но должна признать, она выжила чудом. Клянусь, сын – полная копия отца.

– Сын? – спросил Карл, распахнув глаза. – Вы хотите сказать, что...

– Да, у вас родился сын, черт побери. Иди уже к ним, хватит стоять тут и глазеть.

Карл протиснулся мимо соседки к двери в коридор. Терпкий запах земли и пота ударил ей в нос и заставил поморщиться, когда он проходил мимо.

– Его будут звать Леон, – добавила она.

При этих словах Карл замер. Он обернулся и вопросительно посмотрел на нее.

– Леон?

– Да, Даника решила, что вашего сына будут звать Леон.

– Ладно. Значит, так и будет, – сказал Карл.

Соседка покачала головой, едва Карл вышел из кухни. Она не понимала этого мужчину, как не понимала и его жену.

Когда она чуть позже направилась к себе на ферму, ее тяготило непривычное беспокойство.

– С мальчишкой что-то не так, что-то не в порядке, – повторяла она сама себе. – Ноги и руки не должны так выглядеть. У него явные мускулы... как у зверя. И он такой тяжелый. Только бы это не были проделки дьявола.

Она вздрогнула от собственного озарения и заговорила еще громче, в попытке заглушить мятущиеся мысли:

– Какого же богатыря Господь послал этой женщине. Подумать только, у Даники родился таки ребенок. Сильный, крепкий парень. Господь милостив, Господь милостив.

Она почтительно подняла взгляд в небо к Всемогущему, который, как ей казалось, должен был быть похожим на ее собственного верного супруга, а значит, носить седую бороду, широкие подтяжки и иметь синие глубокие глаза, глядя в которые невозможно соврать.

Сама она была низенькой женщиной крепкого сложения с пышными бедрами и почти такой же широкой спиной, и ходила она косолапо, слегка переваливаясь из стороны в сторону, так что сзади напоминала старого медведя. Бурый медведь – это один из тех зверей, кто органично смотрится в окрестностях. И он безопасен, пока не перейдешь ему дорогу. То же можно сказать и о соседке. Говорят, она некогда поймала врасплох одного работничка, который собирался уединиться с ее дочуркой в хлеву, и отвесила ему такую оплеуху, что лишила слуха.

Неподалеку от дома ей навстречу вышел Мирко. Внезапный порыв ветерка взерошил мальчику волосы, которые на мгновение поднялись вокруг лица маленьким растрепанным облачком. Нисколько не похожим на львиную гриву.

Леон! Ее снова поразило, до чего дико называть маленького ребенка в честь чужого и смертельно опасного хищника. Как можно так рисковать? С таким играть нельзя, и еще не следует водиться с шутовскими труппами, которые иногда проезжали через долину. Все чуждое и необычное может представлять опасность, считала соседка. Даника играет с огнем.

С ее Мирко все иначе. Его имя означало «мирный», она проследила, чтобы все было правильно, когда его крестили. Она мечтала о веселом разумном мальчишке, и Господь ей его послал. Можно получить то, о чем просишь, нужно только правильно попросить.

Еще Мирко был довольно красивым, несмотря на непослушные волосы и большие торчащие уши, выделявшие его из толпы родственников. К счастью, сомнений в том, что он действительно был сыном своего отца, ни у кого не было. У него были темно-синие глаза, как у отца, удлиненное лицо и приятные губы. В придачу он был самым задумчивым и послушным из ее детей.

– Как прошли роды? – спросил он маму. Солнце просвечивало сквозь тонкую кожу на ушах, так что они стали похожи на красные крылья летучей мыши.

– У Даники сын, так что все хорошо. Но не знаю... с ребенком что-то...

– Что?

– Да нет, ничего.

Мама Мирко пошла к главному входу, но, поставив ногу на первую ступеньку и ухватившись обеими руками за поручень, она помедлила и обернулась. Пальцы крепко держались за морщинистую старую древесину, на которую она с годами сама становилась похожей.

– Теперь у нее будет столько дел с ребенком... Тебе, наверное, придется больше помогать ей. Как думаешь, ты справишься, мальчик мой?

Мирко кивнул, и если уши у него горели и раньше, теперь и щеки зарумянились.

Сделать что-то плохое

Эй, ворона! Помнишь, я рассказывал об одном мужчине, которого мы с Мирко как-то встретили? Того, которого пытался согреть в лучах солнца?

После той встречи Мирко долго себя странно вел. Кажется, он несколько дней молчал. А хоть что-нибудь он обычно говорит, когда мы шагаем по дороге в поисках работы. По крайней мере, Мирко ищет работу. Мне все равно. Я просто следую за ним.

В какой-то момент мы уселись в тени, потому что жара стала невыносимой. Мирко просто сидел спиной ко мне и смотрел в пустоту, так что мне не оставалось ничего другого, как сидеть и смотреть ему в спину.

Помню, у него в тот день были очень красные уши, но он и правда много часов провел под палящим солнцем. Даже много лет. Темные волосы под кепкой были такими мокрыми, что пот ручейками тек по шее за ворот рубашки. Я сам стригу ему волосы сзади, так что я точно знаю, как выглядит его шея. Стараюсь стричь ровно, но это не всегда удается, потому что у меня слишком толстые пальцы для ножниц, а у него волосы вьются. Мирко все это отлично знает. Он просит убирать почти всю длину, чтобы волосы сзади были очень короткими, а с остальным он сам справляется. Мне нельзя много трогать его волосы руками, ему это не нравится. И ради Мирко я слушаюсь, хотя мне очень хочется.

С боков тоже надо стричь коротко, не понимаю, почему. Наверное, чтобы уши были на воздухе. Спереди волосы у него тянутся вверх и образуют взъерошенный вихор, напоминающий птичье гнездо на высокой скале.

Он может иногда сердиться на свои волосы и кудряшки, зато очень гордится усами. Их он подстригает острой бритвой. Очень тщательно выравнивает их над ямкой между носом и верхней губой и делает одинаковыми с обеих сторон. Усы должны начинаться под самым носом и постепенно утончаться к уголкам рта. Длиннее они быть не должны.

Он отказывается ходить к цирюльнику, хотя иногда у нас бывают на это деньги.

– Говорят, цирюльник способен выманивать у людей тайны, – сказал он мне однажды. – Нам это не на руку.

Мирко и меня бреет, когда нужно. Мне нельзя отращивать усы. А то я все время буду их выщипывать, говорит он.

Итак, в тот день шея у него была вся мокрая. Когда он вдруг обернулся и посмотрел на меня, я увидел, что лицо у него такое же. В первый и последний раз видел, как он плачет. С другой стороны, я никогда не видел, чтобы кто-нибудь плакал столько. По лицу текли реки.

Какие-то стекали в усы, другие затекали в уголки рта, третьи по щекам устремлялись вниз к подбородку, капали с лица и погибали в песке.

В тот день было что-то необычное в лице и глазах Мирко. У него очень синие глаза, и они сияли ярче, чем когда-либо.

Потом он заговорил со мной. Наконец-то.

– Додо, однажды я должен буду тебе кое-что рассказать. О тех временах, когда ты был маленьким мальчиком по имени Леон, а я был мальчиком постарше и помогал у вас на ферме. Ты едва ли что-то помнишь. Мало чего можно вспомнить о твоём детстве. Но я много о нём думал. Я понял, что я все-таки должен рассказать, что произошло той ночью много лет назад.

– Какой ночью?

– Когда тебе исполнилось семь лет. Тогда произошло кое-что ужасное.

Представляешь, как плохо мне сделалось при этих его словах? Живот словно приклеился к позвоночнику.

– Это я что-то натворил? – спросил я.

Я не мог взглянуть на Мирко. Страшно было представить, что могут поведать мне эти синие глаза. Ничего приятного узнать, что натворил что-то плохое, особенно если из-за этого Мирко так рыдает.

Я попытался вспомнить все плохое, что когда-либо делал, хотя я обычно стараюсь такое забывать. В основном я помню, как вещи ломались либо животные пищали и переставали дышать. Еще из-за меня как-то заплакал младенец. И тот саблеглодатель. И я как-то пожал руку так сильно, что кость треснула. Один раз я случайно сломал конвейер, потому что сел на него. А в другой раз кресло-качалку. И мула. И... ну да, сегодня так получилось с девушкой на ферме. Это самое гадкое.

Судя по всему, что-то произошло задолго до этого. Я просто не помню, что именно. Наверное, об этом Мирко и хочет рассказать мне. Может, это связано с мамой. Видимо, она из-за меня так громко кричала. У меня в голове темнеет при попытках что-нибудь вспомнить.

Я никогда не делаю это нарочно.

Как же тяжело понять, кто ты: сильный мужчина или маленький ребенок. Мне все время говорят, что я то один, то второй. Это жутко сбивает с толку. Вот бы я был мышкой! Тогда бы я не мог сделать ничего плохого. Ну если только что-то слегка погрызть.

Знаешь, что он ответил?

– Мы оба, Додо. В основном я.

Так он и сказал. Поверить не могу, чтобы Мирко сделал что-то дурное, и уж точно не в мой день рождения.

Кажется, он ошибается.

Леон и счастье

– Леон? – прокудахтал священник, когда Даника назвала имя. – Нечастое имя в этих краях. – Но в остальном возражений с его стороны не было, и день прошел отлично.

Карл всю церемонию провел молча. Как и его сын, и Данику это полностью устраивало. Она заметила, что он потел сильнее обычного и выглядел беспокойным, словно бы его затащили в церковь против его воли. Так же было на свадьбе. Всем было очевидно, что он неловко себя чувствует в такой обстановке.

Совсем иначе обстояло с парой с соседней фермы, которая выступила в роли крестных. Никто не мог подобно соседке зайти в церковь как в собственную спальню, одновременно излучая почти сияющее благоговение. У нее менялся цвет лица, что-то происходило со взглядом и манерой держаться, когда она заходила в церковь. Все словно поднималось.

Муж ее держался спокойно и уверенно, как обычно. Его деревянные башмаки постукивали по каменному полу, он бесшумно похлопывал кепкой о бедро.

Мирко тоже пришел с ними. Вечно преданный сын сидел между родителями и улыбался Данике, когда они встречались взглядами.

Странно, что Мирко пришел. Он остался и после крестин, когда они угощали священника и соседей кофе у себя дома. Как скромный дух слуги, Мирко скользил вокруг и следил, чтобы у всех было все необходимое. Ей даже просить ни о чем не было нужно. Карл тоже пытался помогать, но напоминал скорее собаку на игре в кегли. В конце концов Даника попросила его сесть. Он тут же послушался.

Она давно уже приняла предложение соседей, что Мирко может больше помогать по хозяйству после рождения ребенка. Оплата происходила исключительно собственными продуктами, деньги в расчетах между фермами никогда не использовались. Карл говорил, конечно, что едва ли будет необходимость в большей помощи с их стороны, но Даника настояла на том, чтобы принять предложение, раз уж Мирко сам хочет помогать.

А Мирко хотел. По крайней мере, он сам так сказал.

Хотя силой пареньку с Карлом было не сравниться, он вносил свою лепту. Прежде всего, Данике нравились в нем веселость и внимательность. Она не сомневалась, что рано или поздно он осчастливит какую-нибудь девушку. Она только надеялась, что это произойдет не слишком быстро, ведь ей нравилось, когда он был рядом на ферме.

Больше всего Даника занималась Леоном. Поначалу сын казался ей идеальным. Она с радостью часами поглаживала его рыжую гриву, целовала младенческое, но отнюдь не маленькое тело. И еще ямочки на щеках. В точности как у нее. Даника испытывала благодарность и любовь, ранее не изведанную. Ради этого ребенка она готова была жертвовать собой, даже умереть, в этом она была уверена. Если раньше она сомневалась, что Бог рядом и желает добра, теперь сомнения прошли. Леон стал доказательством того, что Господь к ней благосклонен. Ребенок сам стал воплощением его силы и любви.

Ее благодарность была так велика, что первое время после крещения она испытывала тягу почаще заходить в церковь, хотя раньше у нее не водилось такой привычки. Даника приходила в церковь не столько послушать слово Божье, на котором она все равно не могла сосредоточиться, пребывая в состоянии тихого блаженства, сколько явить всем чудо. Впервые в жизни она искренне чем-то гордилась.

Другие прихожане тоже с восхищением дивились ребенку у нее на руках. Все говорили, что он выглядит милым и здоровым. Он был еще и физически сильным, они с легким испугом поражались силе его рук, когда Леон, излучая счастье, хватал их за щекочущие пальцы.

В то же время ребенок улыбался всем таким ясным и невинным взглядом, что каждый тут же чувствовал себя грешником. Кроме матери, рядом с сыном ощущавшей себя прекрас-

ной и чистой, как Богородица. Даника и была прекрасна. По ее телу было почти незаметно, что она недавно родила. Еще одно чудо, с особой благодарностью отметила она. Она была благословлена.

В церкви младенец Леон всегда вел себя образцово, не издавал ни звука, только иногда тихонько причмокивал. Казалось, малыш слушает слова священника с большим сосредоточением и благоговением. Да, Данике казалось, что Леон обдумывает проповеди. Поэтому она решила, что ей достался сын настолько же умный, насколько он был сильным и здоровым.

Это было огромным облегчением.

Карл слышал Данику в спальне. Ласковый голос. Лепет ребенка. Ему от этого становилось тепло на сердце, хотя, может, его согревала водка? Он не знал. Что-то происходило у него внутри, приятное и неприятное одновременно. Он отпил еще немного из найденной в шкафу бутылки и откинулся на спинку стула. Вытянул ноги, сбросил деревянные башмаки на кухонный пол, где они и остались лежать и таращиться друг на друга.

Здесь было грязно. Грязнее обычного.

Она там засмеялась.

Уже несколько недель они не ложились в одну постель. И Карл не ходил в кабак, хотя ему очень хотелось, боже правый. Неловко было бы идти туда, когда он женился, да еще и стал отцом. Он не хотел случайно хватить лишнего и попасть впросак с другой женщиной, по старой привычке наслаждаться жизнью. Даника должна на него рассчитывать, это он давно себе пообещал. Теперь он решил, что поселится здесь. С нею. Под гнетом обязательств.

Но какого черта!

Она даже не обращала внимания, ночует ли он дома. В основном он спал на диванчике. Может, ей хотелось показать, что ей все равно? Это хуже всего.

Карл гордился своим крепким сыном. Это был славный мальчик. Он мечтал увидеть, как тот растет большим и сильным. Из Леона выйдет отличный парень, в этом он не сомневался.

Но Карл скучал по своей жене. Даника говорила с ним только тогда, когда о чем-нибудь просила, и чаще всего она просила его уйти. Тогда ее нельзя было трогать. Она съеживалась, стоило ему обнять ее или погладить по волосам. Не так давно она отвесила ему оплеуху, когда он игриво похлопал ее по попке. Раньше ей это нравилось. Она смеялась, поворачивалась и целовала его. По крайней мере, иногда. Раньше она хотела его.

Он не знал, что ему говорить. Но что-то же он должен был сказать.

Одно или другое.

Карл пошел к коридору на заплетающихся ногах. В спальне Даника сидела на краю кровати и кормила грудью. Он уставился на нее, вцепившись в дверной косяк.

Она быстро взглянула на него, когда он вошел.

– Не сейчас, Карл. Мы хотим побыть одни. Мы едим, – прошептала она.

Карл тоже был голоден. Быстрым движением он вывернул Леона у нее из рук и положил в колыбельку к углу. Колыбель получилась отличная. Карл сам смастерил ее со всей тщательностью, выстругал гладкой и блестящей и покрасил в тот цвет, который выбрала Даника. У Леона было все.

Потом он повернулся к жене и в следующий момент повалил ее спиной на кровать.

– Как ты смеешь! – прошипела Даника, упираясь обеими руками в матрас, чтобы удержаться.

– Ну давай. Чуть-чуть, Даника, – прошептал Карл, стараясь, чтобы голос звучал нежно, и положил руку ей на грудь. Он ощутил жар от соска на ладони. – Нам двоим... нам же тоже нужно...

Леон в колыбельке заплакал.

– Нам... я бы с удовольствием...

Карл склонился над матерью ребенка и заглянул ей в глаза. В них был лед.

– От тебя воняет, – сказала она.

Карл мгновение смотрел на нее. Потом поднялся. Да-ника мгновенно села.

– Извини, – прошептал Карл. Он поднял Леона из колыбели и осторожно приложил обратно к маминой груди. – Я же не хотел... Мне просто хотелось... Извини.

Даника молча приняла своего плачущего ребенка.

Карл развернулся, поднырнул головой под дверной косяк и вернулся на кухню.

– Что за чертовщина, – шептал он сам себе, садясь обратно за стол. – Ты идиот, Карл.

Ты идиот.

В спальне его сын успокоился.

Скоро до него донесся смех жены.

Карл резко проснулся оттого, что кто-то дотронулся до его лба. Это была Даника. Она стояла перед ним в темноте в одной сорочке.

– Он спит, – прошептала она. – Пойдем в гостиную? Если тихо, можно попробовать.

Карл сидел, почти сполз с кухонного стула. Теперь он выпрямился и недоуменно посмотрел на нее.

– Сейчас? – прошептал он. В горле у него пересохло.

– Да, сейчас.

Он не понял, было это ради него или ради нее самой, но он сделал то, о чем она попросила. Она не кричала, но это чтобы не разбудить ребенка.

Ферма и загадки

Работы у Даники на ферме Карлу хватало. Следить надо было не только за скотом и посевами. Еще надо было ремонтировать постройки. Ферма была старая, здания потрепаны временем, местами на грани разрушения. У нее не было ни сил, ни времени заниматься ими, но с помощью Карла все должно было получиться. Он делал все, о чем она просила, этого она не могла отрицать. Во многих смыслах он стал воплощением готовности помочь.

Всегда имелось в виду, что братья Даники должны восстановить постройки на ферме, но этому плану не суждено было сбыться, поскольку ни Йован, ни Стефан не вернулись из своих заморских странствий. Стефан был старшим и должен был бы унаследовать ферму, но Даника считала, что она, безусловно, заслужила право владения, ведь именно она много лет тянула на себе и хозяйство, и родителей. К тому же она теперь замужем, переезжать ей не подобает.

Она и не рассчитывала снова увидеть братьев.

Разве что сестру Таяну, но для нее путь домой был окутан стыдом. Вероятно, она боялась, что ее легенда раскрыта, и едва ли она хотела возвращаться, если был хоть малейший риск, что дома ее уже заклеямили как продажную женщину. На самом деле Таяна могла смело возвращаться домой, потому что Даника ни словом не обмолвилась никому о роде ее занятий. Сестры никогда не были особенно близки, у них было мало общего. Тем не менее при необходимости Даника готова была защищать Таяну до последнего. Они же сестры.

Но на родительскую ферму Таяна могла не рассчитывать. Она теперь принадлежит Данике.

Давным-давно их дед выстроил ферму своими руками. Говорят, ничто не могло отбить у него тягу к перемещению, по крайней мере до почтенного возраста, когда его одолела несбиваемая лихорадка.

Сразу за домом к востоку природа становилась грубее и переходила в горы. И где-то в дикой местности, среди стойких кустов, жесткой травы и маленьких скрюченных деревьев, карабкавшихся по холмам как сгорбленные тролли, пряталась межа, которая никого не интересовала.

Главный дом был сложен из незыблемых валунов и стоял так же твердо, как и в день постройки. Но красная черепица с крыши пострадала от хода времени и от сильных ветров, носившихся по долине, оставляя за собой замешательство и разруху.

Не меньше ветер любил приносить тучи, готовые разверзнуться над жаждущей влаги землей, чтобы потом милосердно угнать их обратно, словно испугавшись внезапной жестокости. Врезаясь в горы, он становился непредсказуемым, как бильярдный шар, закрученный какой-то неведомой силой. О раздолье ветра в долине ходило много рассказов, например, о двух крепких лесных рабочих, на которых упали две огромные ненадежные ели. О девчушках, которых перенесло через горную гряду. И еще про быка, которого занесло в виноградник. Некоторые истории явно были правдивы, о достоверности других позаботилось время.

Углом к дому, фасадом к югу располагался большой амбар, где в одном конце хранился урожай, а в другом – инструменты. Укромный угол с гамаком мог при желании стать домом для одного или парочки наемных работников. За прошедшие годы амбар бессистемно достраивали с разных сторон: столовая и небольшая постирочная были добавлены со стороны двора, большой курятник сзади, с выходом в поля.

Напротив дома, по другую сторону полузаросшего двора, находился длинный хлев. Он, как и дом, был построен из светлого камня, по крайней мере в основном, но дед Даники использовал все, что смог найти, чтобы возвести здание. Поэтому в кладке стены можно было наткнуться на самые причудливые строительные материалы. На одном из фронтонов был, например, простой надгробный камень женщины по имени Светлана. Судя по надписи, она

умерла в 1867 году и была «горячо любима сыном и всеми своими зверями». Никто не знал, кто это такая, но раз ее надгробие нашли в этой земле, видимо, она когда-то здесь жила, решил дед.

На ферме жили, как правило, три рабочих лошади, пара коров, несколько коз, небольшая отара овец, баран и две-три свиньи, покрытые жесткой щетиной. Животные свободно ходили, где хотели, без привязи, мирно и дружно, внутри и снаружи. Такой распорядок, за редким исключением, отлично работал уже много лет, несмотря на видовые различия, наверное, потому что животные в своей более или менее жвачной общности давно признали, что ссориться в этом крошечном мирке – себе дороже.

Таким образом хлев оставался островком безопасности десятилетие за десятилетием. Очевидно, дед Даники оказался прав в своем убеждении, что надгробный камень вкупе с прочими замурованными предметами смогут отгонять несчастья от дверей. То тут, то там из известкового раствора выглядывал крест. Где-то торчали покрытые железом деревянные башмаки, ржавая тяпка, старая лопата. Местами остались только углубления от предметов, потерянных в ходе времени. Забытые вещи, оставившие свой след в истории.

Самым необычным был, без сомнения, большой церковный колокол, вмурованный в стену хлева с юго-восточного угла. Дед Даники нашел его в зарослях чуть выше по склону горы в одно из своих многочисленных странствий. Хотя вероятность встретить в тех краях другого человека была такой же большой, как и вероятность найти церковный колокол, застенчивость гнала его в дикую местность, когда ему хотелось походить на природе. А там стоял колокол и светился в окружении белых цветов.

Деду очень повезло натолкнуться на группу голодных македонцев, шедших домой, те помогли оттащить колокол на ферму в целости и сохранности, а в качестве оплаты попросили всего лишь сытный обед. Никто не знал, откуда взялся колокол, но уже то, как он представился деду Даники в окружении белого ясенца, накладывало на колокол отпечаток волшебства. Разрешают ли инстанции, более приземленные, использовать церковный колокол неизвестного происхождения при закладке стены хлева, деду Даники не пришлось в голову спрашивать.

На всякий случай дед поместил колокол с того угла хлева, где меньше была вероятность, что его кто-нибудь увидит. Кто-нибудь, кроме Господа нашего, конечно, но дед полагал, что Он не против. В конце концов, это же Он поместил колокол в те дебри и позаботился, чтобы у деда в тот день расстроился живот.

Для Даники хлев был церковью в большей степени, чем настоящая церковь. Ребенком она иногда опускалась на колени перед камнем горячо любимой Светланы и молила мать, сына и всех их зверей о помощи и прощении. Впрочем, с переменным успехом. Ее так и не увез с собой цыганский табор, и орлиные крылья у нее не выросли, так что она не смогла взлететь и посмотреть, что находится по другую сторону гор.

Отец рассказывал, что там другие долины, другие горы и местами такие огромные равнины, что даже гор на горизонте не различить, только небо. Он сам так далеко никогда не бывал, но слышал рассказы. Равнины. На одной из них, на севере, есть поля тюльпанов всех цветов, говорил он. Даника пыталась представить себе волны цветущих полей. Но первым делом надо было представить себе равнину настолько широкую, что не видно гор. Мир без границ. Небо настолько огромное, что опускается прямо до земли. От таких мыслей у нее кружилась голова, как если смотреть на звезды и пытаться считать.

– Тебе никогда не хотелось посмотреть на поле тюльпанов? – спросила она тогда отца.

– Нет, – ответил он. – У нас же растут в горах дикие тюльпаны. Зачем тратить много дней на дорогу, чтобы посмотреть, как они растут где-то еще?

– А на людей, которые живут в других местах? На них тебе не хотелось посмотреть? – спросила Даника.

– Все люди похожи. У кого-то волосы темнее, у кого-то нос больше. Далеко на востоке живут люди с маленькими носами, ты об этом знала?

– А тебе не хочется увидеть их маленькие носы?

– Видел я одного китайца. Там их, говорят, больше. Но зачем мне их смотреть, если одного я уже видел? Он, кстати, считал, что у меня очень большой нос, и сравнил его с той картошкой, что я пытался ему продать.

– Тебя это так расстроило?

– Наоборот! Кого может расстроить сходство с моей картошкой!

Отец Даники почесал маленький бурый прыщ на носу. Глаза у него блестели. Они были такими же темными, как и волосы.

– Хотела бы я посмотреть, что там по другую сторону гор, – мечтательно произнесла Даника. – И встретить совершенно новых людей. Других.

Ее отец наморщился при этих словах, глядя на картофель.

– Оставайся здесь, девочка моя, и ты встретишь много людей. Кто-то проезжает через долину, кто-то остается здесь жить. И подумай: отчего они едут? Подумай! Ты нигде не станешь счастливее, чем здесь, у себя дома, это я тебе обещаю. Нет смысла уезжать оттуда, где тебе хорошо. А то можно все потерять.

– Но откуда ты это знаешь, если сам никуда не ездил?

– Ты тут не наглей.

Когда отец так говорил, разговор обычно заканчивался, иначе ей грозила оплеуха. Она никогда не плакала. Один раз только была на грани этого, когда отец действительно сильно ее ударил. Даника тогда сказала, что на вкус их картошка ничем не отличается от прочей. Этого ей говорить не следовало. Но она сдержалась и слез не показала. Напротив, заметила, что у отца сделались мокрые глаза. Даника так и не узнала, была причина в том, что он ее ударил, или его так сильно обидели слова про картошку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.